

**В. Ф. МОСКОВКИН,
Е. П. ТАРАСОВ**

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

В. Ф. МОСКОВКИН,
Е. П. ТАРАСОВ

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

(о Н. И. Подвойском)

Московкин В. Ф., Тарасов Е. П.

М82 Солдат революции: (о Н. И. Подвойском).—
М.: Политиздат, 1982.—112 с., ил.—(Герои Со-
ветской Родины).

Николай Ильич Подвойский (1880—1948) — один из замечательных революционеров-ленинцев, героев Великого Октября. Выдвинувшись в первые ряды борцов за строительство нового, социалистического общества, он все свои силы и знания отдавал беззаветному служению народу. Куда бы ни посылала его партия и на каком бы посту он ни был, Подвойский всегда и везде являл собой образец верности делу коммунизма. В грозные октябрьские дни 1917 г. и в годы гражданской войны ему приходилось выполнять ответственные поручения В. И. Ленина — по созданию Военно-революционного комитета, организации новой, рабоче-крестьянской Красной Армии, Всевобуча...

Книга написана писателем В. Ф. Московкиным и кандидатом исторических наук Е. П. Тарасовым. Она адресуется массовому читателю.

0902030000—168
М—079(02)—82 85—82

66.61(2)8
ЗКП1(092)

1

Последний раз лязгнули буфера, и вагон резко остановился. Кондуктор объявил: «Ярославль. Московский вокзал...» Николай с саквояжем в руке легко прыгнул с подножки на промасленный гравий, на миг зажмурился от брызнувшего в глаза солнечного света. Было раннее утро.

Вагон, в котором ехал Подвойский, не дотянул до здания вокзала, высокого, каменного, выкрашенного в голубой цвет,— остановился у дощатого забора, ограждавшего железнодорожные пути. Ощущая неподнятость и неясную тревогу от встречи с незнакомым городом, Николай поспешил к выходу. Немногочисленные пассажиры ночного московского поезда быстро рассеялись, перрон опустел. Только у вокзальных дверей молодцеватый жандарм с пышными пшеничными усами что-то строго выговаривал двум путейским рабочим, почтительно слушавшим его, да у одного из вагонов стояла девушка в полотняной шляпке. Тоненькая, почти подросток, она беспомощно озиралась. «Кто-то должен был встретить и не пришел,— подумал Николай.— Может, такая же, как и я, впервые в чужом городе, растерялась». У ног девушки стоял чемодан, обеими руками она держала туго набитую сумку. Подвойский подошел к ней.

— Вам помочь?

— Да, пожалуйста,— сказала она, словно не сомневалась, что именно он, этот сошедший с поезда молодой человек, должен прийти ей на помощь.

Николай удивленно присвистнул: чемодан оказался тяжелым. «Наверняка книги. Тоже едет учиться. Гимназистка».

У девушки были светлые волосы, выбивавшиеся из-под шляпки, чистый высокий лоб, нежный румянец на щеках и серые глаза, строгие и озабоченные.

«Молоденькая учительница? Курсистка?» — снова подумал он, выходя с нею на площадь.

На мощенной булыжником площади стояли извозчики. Девушка направилась к одному из них. Худой, в потертом армяке извозчик принял чемодан. Подвойский помог девушке сесть. Она поблагодарила.

— Вам ведь тоже в город? Садитесь,— пригласила она.— От вокзала одна дорога.

«Местная, оказывается»,— с некоторой разочарованностью, что не угадал сразу, подумал Николай. Конечно, совсем неплохо начать жизнь в чужом городе с катания на извозчике и знакомства с хорошенькой девушкой, да вот карман бедноват, всего несколько рублей; когда-то еще появится заработок.

— Спасибо. Еще очень рано, и мне не к спеху. Пройдусь пешком.— Николай почувствовал, как пылает его лицо.— Скажите, как лучше пройти к Демидовскому лицейю?

Строгие глаза ее повеселели, губы тронула улыбка.

— Это очень просто...

И объяснила.

...Николай с любопытством оглядел белокаменное здание с колоннами и массивными резными дверями, которые еще были заперты,— Демидовский юридический лицей. Тут ему предстояло учиться.

И вот экзамены сданы. Начались занятия.

Однажды Николай, по обыкновению, шел в библиотеку и на лестнице столкнулся с Михаилом Кедровым, с которым познакомился здесь, в лицее. Михаил был старше на курс. Сейчас он коротко поздоровался и попросил подождать. Потом они пошли на Стрелку. Стоял конец ноября, а погода была на редкость ласковой. Кедров направился к человеку, облокотившемуся на чугунную решетку, которая ограждала берег. Потертое осеннее пальто, кепка с большим козырьком, крепкие кожаные сапоги, взгляд глубоко спрятанных глаз такой, будто все, что видит, кажется ему забавным.

— Ну вот, Иван Михайлович, знакомься,— пожимая ему руку, сказал Михаил.— Николай Ильич...

Морщинистое лицо пожилого человека застыло в выжидательном напряжении, он поднес темную ладонку с иссеченной кожей к уху — не расслышал, в то же время быстро оглядел Николая.

— Как ты сказал? Мироныч?

Кедров засмеялся.

— Пусть будет Мироныч. Так-то еще лучше. Не против, Никола?

Подвойский пожал плечами.

— Одежда, конечно, приметная,— рассуждал между тем Иван Михайлович,— но на первый раз сойдет. Другую одежду ему надо.

— Иван Михайлович — ткач с Большой мануфактуры,— пояснил Кедров Николаю.— Он сведет тебя с товарищами. Будешь вести там кружок. Занятие не из легких: фабрика с жилыми казармами окружена забором, в калитках сторожа. Пробраться не так просто, почему он и говорит об одежде. Люди там разные, в большинстве вчерашние крестьяне.

Об этом предостережении Николай вспомнил вскоре, когда вел занятие кружка на тихой Тулуповой

улице в доме рабочего фабрики Петра Крюкова. До этого он побывал в каморке у Ивана Михайловича. Кирпичные трехэтажные казармы ровным рядом стояли во дворе фабрики. На каждом этаже длинный коридор и с обеих сторон, как соты в улье, двери каморок. В каморке две-три семьи. Всякий новый человек обращал на себя внимание.

Иван Михайлович согласился, что лучше перенести занятия за пределы фабрики. И вот нашли неприметный дом на Тулуповой. Николай заметил, что каждый раз в кружке появлялись новые слушатели, а те, с которыми он уже успел познакомиться, пропадали на неделю, а то и больше. Он нашел этому объяснение, когда узнал, что двенадцатичасовая смена на фабрике делилась на так называемые «заработку» и «доработку»: фабричные работали через шесть часов. Шесть — отдых, шесть — работа, так всю неделю.

Среди новичков попадались такие, что Николай терялся в разговоре с ними. Однажды он застал хозяина дома с чернобородым, степенного вида человеком. Оба казались взвинченными после яростного спора.

— Объясни ты ему, Мироныч,— говорил хозяин, указывая на чернобородого.— Как без царя жить будем?

— Именно! Как? — Мужик поднял указательный палец, словно пригрозил.— У стада есть пастух, у звезд и то свой царь-месяц. А мы без царя? Кого слушаться будем?

Николай терпеливо объяснил, что вместо царя будут выборные от народа, их и слушаться станут.

— Все-таки кто-то из выборных должен старшим быть?

— Ну и выберут из них старшего.

— Опять-таки будет царь. Я-то думал, как же?.. Народный, а все царь.

Убедить и просветить человека не удалось, но Подвойский с удовлетворением отметил, что чернородый не ушел, слушал, морщил лоб, старался понять.

Когда Подвойский поближе познакомился с кружковцами, он решил, что занятия надо начинать с самого простого, понятного. Надо растолковывать людям, почему им живется плохо, чего им надо добиваться. Растолковывать на примерах, а их должно быть достаточно на фабрике.

Подвойский был доволен первыми занятиями. На них он говорил рабочим, что их выступления должны быть совместными, только так можно добиться успеха. И надо не только защищаться, но и самим тревожить администрацию, требовать удовлетворения законных прав рабочего. Во время забастовок, демонстраций выставлять лозунги: «Долой самодержавие!», «Свобода!», «8-часовой рабочий день!»

Иван Михайлович, который был в кружке старостой, обратился к Подвойскому:

— Вы, товарищ Мироныч, очень ясно поставили перед нами вопросы, и мы будем делать, как вы советуете. Почитай, каждый из нас знает десятки, сотни людей, которым можно довериться и которые поймут наши слова. Но слова — одно, рабочий человек верит напечатанному, пусть там и чушь какая, а он верит: раз напечатано, значит, так оно и есть. Вот я и спрашиваю: будут ли для нас какие книжки, чтобы мы свои слова напечатанными буквами подтверждали?

— Будут, Иван Михайлович, обязательно будут.

— Тогда добро, — удовлетворенно заключил рабочий.

Подвойский подробно рассказал Кедрову, как проходят занятия кружка. Передал просьбу рабочих о книгах. На лице Михаила ничего не отразилось. Николая уязвило: видно, он что-то делает не так, им недовольны, а он-то старается. Настроение испортилось...

Но при следующей встрече Кедров сказал:

— Сегодня у моих знакомых маленькое семейное торжество. У младшей сестры именины. Если нет причин для отказа, пошли.

Приглашение тронуло Николая, но он растерянно взглянул на Михаила:

— Прямо сейчас?

— Ну а когда же? Прямо сейчас.

— Неудобно все-таки, незнакомый дом... Да и без подарка.

— Хороший человек уже подарок хозяину,— отшутился Михаил, а заметив, что Николай все еще колеблется, подбодрил: — Да вы не стесняйтесь, это мои хорошие знакомые, учительницы.

Хотелось поближе узнать Кедрова и его знакомых. Николай согласился. Пошли.

Михаил уверенно толкнул калитку, и они оказались в маленьком дворике, в конце которого густо разрослись вишневые деревья. Дом был двухэтажный, каменный, на второй этаж вела отдельная лестница. На стук открыла миловидная женщина, еще очень молодая, сказала облегченно:

— Наконец-то!

— Мы, Леля, с Николой задержались чуть, прости, были дела,— добродушно сообщил Михаил, входя вслед за нею в освещенную всяческой лампой комнату. Комната большая с выцветшими обоями, в простенке стол с кипящим самоваром, с круглым тортом

посередине. Сбоку на диване сидели средних лет женщина с круглым лицом, в очках и худенькая светловолосая девушка в белой кофточке с глухим воротом.

— Знаю, заждались,— тоном завсегдатая и без тени смущения говорил Михаил, здороваясь с ними.— Знакомьтесь, Николай Подвойский. Еле уговорил. Знаете, как он поет! Никола...— Кедров удивленно уставился на товарища.— Да что с тобой, Никола?

Подвойский не отрываясь смотрел на девушку и не верил глазам. Сейчас он вновь видел ее у вагона поезда— в полотняной шляпке, в жакетке с узкими рукавами, клетчатая сумка и чемодан... Нет, показалось.

Но девушка, сама не менее удивленная, порывисто встала с дивана, протянула руку.

— Знаете, кто это?— засмеялась она.— Да разве вам догадаться. Здравствуйте, рыцарь!

— Здравствуйте!— Николай был явно смущен.— Не подошли, так и не поверил бы,— глухо сказал он.— Вот не ожидал.

— Да разъясните вы, что все это значит,— не вытерпел Михаил.— Нина?

— А то и значит, что мы уже знакомы,— объявила Нина.

Она рассказала, как очутилась одна у вагона поезда: никого, кроме жандарма, к которому побоялась обратиться,— тот мог удивиться тяжести чемодана— и как подошел Николай.

— Вот видите, Никола уже в день приезда оказал подмогу общему делу,— сказал Кедров, подмигнув товарищу.— Ниночка приехала внезапно,— пояснил он.— В тот день ее не ждали, потому никто и не встретил.

— Не очень-то он оказал подмогу,— уточнила Ни-

на, лукаво улыбнувшись.— Донес вещи до извозчика, а проводить до дому категорически отказался.

— Так это от застенчивости! — воскликнул Михаил.— Он у нас очень застенчив.

Николай видел, что над ним подшучивают, и сам включился в игру.

— Характер у меня скверный, вот беда,— с притворным вздохом сказал он.— Пока не привыкну к человеку, отмалчиваюсь... А за те пятьдесят шагов, которые мы прошли до вокзальной площади, разве привыкнешь?

Краем глаза заметил, что женщина на диване, назвавшаяся Марьей Ивановной, быстро взглянула на него, чуть улыбулась.

Хозяйка Ольга Августовна, невеста Кедрова, пригласила к столу.

Разговор за столом был самым обычным, хотя Николай и понимал, что Кедров привел его не просто в гости, а с какой-то определенной целью. Он сидел рядом с Ниной. Она ухаживала за ним, угощала тортом, подавала чай, а он не мог преодолеть смущения.

— Вы и сейчас еще не привыкли ко мне? — В голосе ее слышалось озорство.

— Признаться, да,— краснея, ответил Николай.— Никак еще не могу опомниться, слишком неожиданная встреча.

— У вас такой вид, будто эта встреча вам не совсем по душе.

— Вам нравится дразнить меня?

— Вовсе нет. Хочу, чтобы вы чувствовали себя среди друзей.

Марья Ивановна спросила:

— Миша говорил, в Чернигове вы вели кружок учащихся. Как случилось, что о нем стало известно?

Николай пожал плечами:

— Было трудно с литературой. Доставали у кого только можно. Где-то просчитались.

— Литература — самое больное место, — помедлив, сказала Марья Ивановна. — В городе много фабрик и заводов, на одной только Большой мануфактуре двенадцать тысяч рабочих, а свинцово-белильные заводы, табачные фабрики, железнодорожные мастерские — все это крупные предприятия. Рабочие хотят лучше понять свое положение, тянутся к знаниям, но им негде их получить. Возникают самодеятельные кружки, руководители которых слабо разбираются в теории, путаются в простейших вопросах. Самое главное сейчас подобрать грамотных руководителей, достать нужную литературу.

...Было уже поздно, когда стали расходиться. Нина сказала Николаю:

— На этот раз, надеюсь, не откажетесь проводить меня?

Она жила отдельно от сестры, Ольги Августовны, снимала на Духовской улице маленькую комнатку. Сестра давно предлагала перебраться к ней, но Нина привыкла к своему уголку, жаль было оставлять его.

Они шли по глухой улице, кое-где освещенной тусклыми фонарями. Низкое небо было затянуто тучами, сквозь которые изредка прорывался ущербный месяц.

— Я рада, Никола, что познакомилась с вами, — сказала Нина. — Ничего, что я так называю: Никола? — И, взглядевшись, спросила: — Как вам понравилась Марья Ивановна?

— Понравилась, хотя и трудно судить по первому взгляду. Чувствуется в ней что-то уверенное.

— Да, это так и есть. Она чудесный человек! Сколько у нее воли, бесстрашия! Я все задумываюсь, как выработать сильный, устойчивый характер; надо

много пережить, чтобы быть годной для того дела, к которому готовишься. У Марьи Ивановны все это позади: ссылка, тюрьмы не сломили, а закалили ее.

Николай еще раз с добрым чувством вспомнил Кедрова, который свел его с интересными людьми. Естественно, хотелось подробнее расспросить Нину обо всем, но боялся показаться навязчивым.

— Скучаете по дому, Никола?

— Представьте, нет,— живо откликнулся он.— Я даже благодарен наставникам, которые освободили меня от семинарии. Отец — священник, сына тоже решил направить по своим стопам. Конечно, расстроился, когда узнал, что сынка отчислили за ведение нелегального кружка. Он уж не надеялся, что я хоть как-то смогу получить образование. Всю жизнь мечтал видеть меня грамотным человеком. И такой казус.

— Сюда-то вы как попали, Никола?— Видимо, Нине доставляло удовольствие произносить его имя на украинский лад. «Нико-о-ла!» — получалось у нее.

— У меня был хороший знакомый, очень неплохой человек. Я-то собирался в Петербургский университет, но он отсоветовал: вряд ли с таким семинарским напутствием приняли бы туда. А он, видимо, бывал здесь, объяснил, что тут порядки менее строгие, больше демократизма.

Они остановились у деревянного дома. Перед крашеной двойной дверью каменная ступенька. Крыльца нет.

— Вот мы и пришли. Спасибо, что проводили. Запомните дом, вам понадобится заходить сюда за литературой. Михаил скажет, когда прийти. Видите, я вами распоряжаюсь, потому что вы оказались в моем подчинении. Приходить придется под видом жениха, так что чувствуйте себя свободнее, не как сегодня.

Старайтесь быть точным,— добавила она шутливо,— барышни не любят, когда женихи опаздывают.

— Нина, простите за любопытство...— Николай замешкался. Ему давно хотелось спросить ее.— Скажите, что это Михаил обмолвился, будто я оказал подмогу общему делу?

— Так ведь чемодан у меня был набит нелегальной литературой,— засмеялась Нина.— Неужели не догадались?

— Увесистый был чемодан,— согласился он.

3

Весной 1902 года на границе с грузом нелегальной литературы был арестован связной «Северного рабочего союза», руководившего социал-демократическим движением в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях. Центр «Союза» находился в Ярославле. К Марье Ивановне (Ольге Афанасьевне Варенцовой) тянулись все партийные нити фабричных и заводских ячеек.

Охранке удалось узнать пароль, действовавший для встречи агентов. Ликвидировать «Союз» поручили сыщику Московской охраны Менщикову, человеку в своем деле незаурядному, оставившему объемистые воспоминания о методах сыскной работы. Как ни осторожна была Варенцова, не было у нее причин отказать в доверии приехавшему «из центра» человеку. После первой встречи с ней Менщиков не без хвастовства телеграфировал начальству, что ярославский комитет «Союза» у него в руках. Он предложил собрать актив организации, где бы он выступил с докладом. Варенцова сослалась на то, что это трудно, почти невозможно сделать.

Из Ярославля Менщиков уехал в Кострому. Настолько был уверен в своем успехе, что на прощание

заявил: «Дело ваше недостаточно законспирировано. Я чувствую, вы к 1 Мая провалитесь».

Незадолго до этого на фабричном дворе Большой мануфактуры во время выхода ночной смены были разбросаны листовки «Ко всем ярославским рабочим». В них говорилось:

«Проснитесь, товарищи, пора начать деятельную энергичную борьбу со всеми нашими врагами-фабрикантами и правительством, борьбу за лучшую жизнь, за свет, за свободу...

Взгляните, товарищи, на окружающую нас жизнь, на жизнь рабочего человека. День за днем — каторжный, убивающий силы, однообразный труд. Всю нашу молодость, все наши силы, здоровье наше отнимает работа...

Мы добьемся наконец того, что больше всего нам нужно, мы вынесем на своих плечах политическую свободу и участие рабочего класса в издании законов».

Появление листовок «Северного рабочего союза» вызвало переполох среди фабричной администрации. Было арестовано около сорока рабочих, в том числе почти все члены кружка, которым руководил Подвойский.

Листовки распространяли по городу студенты лицея. Среди них тоже начались аресты. Было ясно: действует провокатор, который связан и со студентами и с рабочими. Им оказался сын преподавателя училища при Большой мануфактуре гимназист восьмого класса Леонид Волков.

Тем временем Меншиков понял, что Варенцова не собирается созывать общее собрание активных работников «Союза». Тогда жандармам был дан приказ произвести аресты руководителей организации.

Удар был нанесен чувствительный: арестовали

Варенцову, Ольгу Августовну Дидрикиль, разгромили с таким трудом созданную типографию.

Меншиков снова шлет победную депешу: Ярославский комитет обезврежен, «Союза» не существует. В действительности было не так: аресты не коснулись низовых ячеек. Правда, были потеряны адреса явок, которые находились у Ольги Августовны.

Произошли эти события в самый разгар подготовки к Первомайскому празднику.

Подвойскому уже нельзя было появляться на Большой мануфактуре, где его многие знали в лицо. Он переключается на работу в железнодорожных мастерских. Собрания проходили за плотным железной дороги, в пустынном месте, поросшем густым кустарником. Иногда собиралось до ста пятидесяти человек.

В лицее на гектографе печатались журналы «В интересах товарищества» и «Рабочий». Редактировали журналы Кедров и Подвойский. Журналы распространялись по заводам и фабрикам. Помещенные в них статьи нравились рабочим, их читали вслух, обсуждали.

Нине было поручено связаться с сестрой — Ольгой Августовной, отбывавшей заключение в Таганской тюрьме. Она выехала в Москву. При свидании, несмотря на присутствие тюремного надзирателя, Ольга Августовна сумела назвать имя человека, у которого находились адреса и связи Ярославской организации. Им оказался статистик нижегородского земства Иван Петрович Ладыжников. В Нижнем Новгороде Нина встретила с Ладыжниковым, получила нужные сведения.

Первомайская сходка за городом удалась, правда не без помех. Двери жилых казарм на Большой мануфактуре в то утро оказались запертыми, возле них дежурили полицейские. Возмущенные мастеровые смяли охрану.

«Северный Союз», или «Семен Семеныч», как его называла в заграничной переписке Надежда Константиновна Крупская, стоял на искровских позициях, поэтому редакция «Искры» сделала все возможное для его восстановления. В Ярославль нелегально прибыли опытные работники: Стопани, Бобровская, Невский, Носков. Последний — уроженец Ярославля, его дом на Голубятной улице стал местом явок.

Общительный, легко сходящийся с людьми, Кедров затащил как-то Подвойского в редакцию либеральной газеты «Северный край». В кабинете секретаря редакции из-за стола поднялся элегантный, с тонким, одухотворенным лицом сравнительно молодой человек. Назвался Вячеславом Менжинским. Он тоже был направлен «искровским» центром для укрепления Ярославской организации. Блестящий публицист, Менжинский сразу стал главным лицом в редакции.

«Союз» решено было переименовать в Северный комитет РСДРП. Подвойский, а несколько позднее и Нина Дидрикуль вошли в его состав. Николаю было поручено поддерживать связь с фабричными и заводскими организациями.

Не было дня, чтобы Николай не бывал у рабочих. Его горячие, страстные речи возбуждали, заставляли задумываться. Он стал любимым оратором на рабочих собраниях.

— Для хозяев рабочие — безликая масса, — говорил Подвойский. — Незаметные люди. Колесики. А вот остановится одно такое рабочее колесико — и хозяйская машина забуксует. Вот тогда хозяину становится ясно, что такое рабочий.

Николай настаивал, чтобы рабочие разных предприятий действовали согласованно и были связаны между собой.

Много позднее в графе «социальное положение» он напишет: «Солдат революции».

— Таким меня сделали ярославские рабочие. В те годы я быстро выросел,— скажет он товарищам по подпольной работе.— Время было такое...

4

На вокзале в Иваново-Вознесенске его встречал круглолицый крепыш со светлыми усами, мягкой улыбкой — Михаил Фрунзе.

— Я Арсений,— назвалса встречающий. Он подхватил оба чемодана и, не сгибаясь от тяжести, пошел к отдельно стоявшей пролетке.

Иваново-Вознесенск бастовал. Ярославский комитет РСДРП делал все, чтобы помочь бастующим. Николай Подвойский приехал в качестве пропагандиста. В чемоданах привез листовки. Приезжего засыпали вопросами. Подвойский рассказал, что на ярославских фабриках сочувственно относятся к борьбе ивановских ткачей, рабочие по копейкам собирают деньги в их стачечный фонд.

В этот же день он выступал на митинге. За городом на реке Талке собрались тысячи людей. Представителя большевиков из соседнего города приняли восторженно, текстильщики узнали, что они не одиноки в своей борьбе, их поддерживают, с ними солидарны.

Утром вместе с Арсением они встретили Нину, отвезли литературу по адресу и поспешили на площадь перед городской думой, где была назначена «сидячая забастовка». В думе отцы города совещались с фабрикантами и заводчиками, решая, на какие пойти уступки, чтобы сбить волну массового выступления. Для охраны думы были вызваны казаки. Ко-

гда они появились, многотысячная толпа поднялась на ноги, и мостовая осталась почти без камня: каждый взял по булыжнику. Пораженные казаки отступили.

Весь май девятьсот пятого года Подвойский провёл в Иваново-Вознесенске. Здесь он завоевал популярность среди рабочих, читал лекции по вопросам марксизма, рабочего движения. Вместе с Афанасьевым, Самойловым, Фрунзе, Бубновым организовывал первый Совет рабочих депутатов.

События развивались стремительно. В Ярославле забастовали текстильщики Большой мануфактуры, рабочие табачной фабрики Дунаева; не утихали волнения в железнодорожных мастерских. Ярославский комитет отозвал Подвойского из Иваново-Вознесенска.

Революционно настроенные рабочие станции Ярославль вели агитацию за присоединение к всеобщей политической забастовке. После окончания работы у входа в мастерские был назначен митинг. На трибуне появился Подвойский. Во время его речи вдруг раздался голос: жандармы идут! Произошло замешательство, люди стали расходиться. Николай Ильич продолжал говорить, хотя его уговаривали уйти.

— Товарищи!— с упреком обратился он к рабочим.— Неужели вы настолько запуганы, что боитесь собраться вместе, обсудить свои дела? Если вы дружно станете стоять друг за друга, жандармы будут бессильны.

Спокойный голос Подвойского подействовал: рабочие тесным кольцом окружили оратора, отеснили жандармов.

К вечеру рабочие станции Ярославль прекратили работу. На митинге у вокзала Подвойский снова выступил с речью, призвал готовиться к вооруженной борьбе.

А через несколько дней Николая Ильича арестовали, отправили в Коровницкую тюрьму. И сразу для губернатора Роговича наступило хлопотливое время.

В губернаторский дом явилась депутация от участников митинга, который состоялся возле лицея. Встревоженный чиновник доложил губернатору, что на митинге помимо студентов присутствовали рабочие, городская интеллигенция. Требование: немедленно освободить студента Подвойского. Вслед за этим поступил доклад начальника жандармского управления Немчинова. По сообщениям его агентов, студенты лицея обсуждали вопрос об освобождении Подвойского силой. Немчинов предлагал направить к тюрьме усиленную команду местного гарнизона.

Рогович дал распоряжение освободить арестованного. Последуй он совету Немчинова — и всколыхнулся бы весь город. Губернатор знал, что еще будет возможность расправиться с человеком, который в списке членов Северного комитета, доставленном ему охранным отделением, шел вторым.

А через два дня на стол губернатора легло новое сообщение: «В Демидовском лицее состоялся нелегальный концерт с участием студенческого хора под управлением известного агентуре студента Н. И. Подвойского...»

Рогович позвал чиновника и попросил, чтобы ему представили полную справку о студенте юридического лицея Подвойском.

Пока же продолжал читать: «Концерт был платный, причем сбор поступит в революционный фонд Социал-демократической рабочей партии...»

По окончании концерта один из студентов сказал: «Товарищи и граждане, не расходитесь. Теперь повсюду льется кровь за освобождение России от само-

державного гнета, мы не должны равнодушно смотреть на это. Я предлагаю открыть митинг...»

Дальше в докладной говорилось, что какие-то неизвестные социал-демократы утверждали, что только РСДРП является выразительницей интересов рабочего класса, что освобождение от самодержавного режима возможно только путем народного восстания.

Вошел чиновник и положил на стол справку. Губернатор прочитал: «Сын священника Черниговской губернии, Стародубского уезда, села Чаус, исключен из Черниговской семинарии за создание кружка марксистского направления...»

Рогович подивился либерализму дирекции лицея. «Волчий билет» надо было выписать этому молодцу, а не зачислять его в лицей.

...19 октября Северный комитет РСДРП назначил общегородской митинг. Несколько сот рабочих во главе с Подвойским двинулись к манежу, шли с красными флагами. По пути к ним присоединились студенты лицея.

Но к митингу готовилась и черная сотня. Ее вдохновителем был Рогович.

На Духовской улице демонстрантам преградила дорогу толпа: над головами портреты царя, иконы, в руках железные трости, гири на подвязках. То были приказчики мясных лавок с Мытного рынка, купцы, подкупленные ими уголовники. С криками: «Студенты, бей их!» — черносотенцы бросились на идущих. Плохо вооруженная рабочая дружина все же дала отпор, сделав несколько выстрелов в воздух. Толпа отхлынула.

В это время показалась коляска, в которой сидели губернатор Рогович и начальник жандармского управления Немчинов. Коляску сопровождали казаки и полицейские. Осмелевшие черносотенцы начали на-

пирать на демонстрантов. Губернатор поднялся в коляске и, напрягая голос, крикнул:

— Прошу убрать знамя, разойтись по домам!

Двое студентов приблизились к нему, стали доказывать, что манифест гарантирует свободу собраний, демонстрация мирная.

— Я прикажу вас арестовать, тогда узнаете свободу собраний,— побагровев, закричал Рогович.

Черносотенцы вновь накинулись на демонстрантов. Те отбивались, как могли.

Подвойский решительно направился к Роговичу и потребовал прекратить избиение. То ли независимый тон, то ли красивая внешность молодого человека заставили губернатора пристально приглядеться к нему.

— Подвойский,— шепнул ему Немчинов.

Губернатор еще раз взглянул на студента и приказал кучеру поворачивать. Он уехал, а избиение демонстрантов продолжалось. Подвойского сбили с ног и избивали, даже когда он потерял сознание.

Очнулся Николай Ильич в городской больнице. У него были разбиты плечо, нога и, как говорилось в медицинском заключении, он получил «многочисленные раны головы. Повреждение тяжкое».

Врач сказал: «Если этот молодой человек чудом выживет, он на всю жизнь останется калекой».

Полиция намеревалась переправить Подвойского в тюремную больницу, где не было ни надлежащего лечения, ни ухода. Это означало обречь раненого на неминуемую гибель. Товарищи по партии тайно увезли его в Кострому, где в то время работала Нина.

Заботливый уход Нины, тишина, прерываемая только стуком колес проезжающих телег, свежий воздух поздней осени — все благоприятствовало выздоровлению. Там ему передали содержание письма Владимира Ильича Ленина. Узнав о событиях в Яро-

славле, о ранении Подвойского, Владимир Ильич направил ему теплое товарищеское письмо. В нем говорилось: «Товарищи, вы пролили кровь за рабочее дело. Вы — революционеры, и ваша жизнь принадлежит рабочему классу. Гордитесь тем, что вы пострадали за рабочее дело. Вы исполнили свой долг, выполнили волю рабочего класса. Этим вы приняли посвящение в ряды солдат революции»¹.

...Однажды в дом ворвалась полиция. В Ярославскую тюрьму Николая Ильича внесли на носилках.

Тем временем в городе ширятся требования освободить Подвойского. Врач Викторов, сочувствовавший большевикам, сообщил в газеты о жестоком избиении студентов, о тяжелом состоянии Подвойского, которого держат в тюрьме.

Дело получило нежелательную для местных властей огласку. Протесты общественности и полная уверенность, что Подвойский уже не встанет, привели их к решению освободить его из заключения.

Николай Ильич радуется предстоящей встрече с Ниной, но узнает, что она арестована, ей грозит пятилетняя ссылка в Сибирь.

Товарищи по партии решили отправить Подвойского лечиться за границу. В Смоленске, в поезде, идущем в Берлин, к нему в купе вошла медицинская сестра с заграничным паспортом на имя Н. Суцовой, мещанки города Ярославля. Ей поручалось доставить больного до места лечения. Николай Ильич с удивлением и радостью узнал в ней Нину.

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1971, т. 2, с. 189; Исторический архив, 1956, № 6, с. 112.

Тревожное время

1

Нину выпустили до суда под залог. Воспользовавшись этим, товарищи достали ей паспорт действительно проживавшей в Ярославле мещанки Суцевой, снабдили адресами и необходимыми средствами. Выросшая в семье прибалтийца-лесничего, она с детства хорошо знала немецкий язык. В Германии Нина поместила Николая Ильича в одну из клиник. После нескольких месяцев лечения, когда Подвойский встал на ноги, они переезжают в Швейцарию. Горный воздух, прогулки быстро укрепили его здоровье. В Бёрне он и Нина Августовна стали посещать университет.

Революция в России была жестоко подавлена. В далекую Швейцарию доходили вести о массовых арестах, ссылках на каторгу, виселицах. И все-таки мучительно хотелось домой, к товарищам. И как же обрадовался Николай Ильич, когда приехавший из России товарищ передал ему письмо Михаила Кедрова!

Михаил Сергеевич сообщал, что он организовал на средства, полученные от отца, легальное издательство «Зерно». В письме указывалось, что в Петербургском комитете РСДРП считают нужным приезд Подвойского в Россию.

Николай Ильич мог поехать. Нине Августовне приезд грозил арестом. Решили: ехать пока одному.

В конце 1907 года он вернулся в Петербург. Нина ждала необходимых документов, которые дали бы ей

возможность вернуться на родину легально, женой Подвойского.

Большевицкое издательство «Зерно» приобрело широкую популярность, книги его расходились по всей стране. Оно призвано было обеспечивать связь между ЦК и местными партийными организациями. «Зерно» издавало работы Ленина, готовило его трехтомное собрание сочинений под названием «За 12 лет». Большим тиражом был выпущен сборник «Календарь для всех на 1908 год». Зная, что цензура может наложить запрет на сборник, тираж его был надежно укрыт.

Когда Нина Августовна вернулась в Петербург, она не застала Николая Ильича: он был в Москве, занимался устройством книжного магазина.

Как и предполагали издатели, цензура нашла календарь вредным. На складе оказалось всего шестьдесят экземпляров. Полиция произвела обыск и обнаружила, что книжный склад издательства является складом социал-демократической литературы.

Кедрова и Подвойского арестовали.

Снова сырая темная камера, только уже в петербургской тюрьме. Надо с пользой употребить время, не поддаваться тяготам одиночки, болезням. Вспоминался пятый год: на каждой фабрике или заводе были созданы тогда боевые дружины. Все они действовали. Но как? Разобщенно! Не было военных специалистов, которые сплотили бы эти дружины, обучили обращаться с оружием, тактике уличных боев. Не было связи с солдатами. Но если десять лет назад роты Фанагорийского полка стреляли в бастовавших мастеровых Большой мануфактуры, то в пятом, когда фабрика два с лишним месяца фактически находилась в руках рабочих, те же фанагорийцы отказались выйти из казарм. Солдаты сочувствовали

рабочим! Готовиться и готовиться к будущим боям, не допускать ошибок пятого года,— размышлял Подвойский.

Администрация тюрьмы была удивлена, когда заключенный попросил разрешения получить уставы русской армии, военные учебники, курсы лекций, читавшихся в Академии Генерального Штаба. Неужели этот больной человек готовит себя к военной карьере? На что он надеется? Но необычная просьба была выполнена.

Дни в тюрьме проходят быстро, до предела заполнены работой. Одно беспокоит: как перебивается Нина? После возвращения из Швейцарии она работала в издательстве; сейчас издательства нет, помощи можно ждать только от сестер. К тому же она готовится стать матерью.

Нину Августовну в свою очередь беспокоит его здоровье. При коротких свиданиях она все чаще останавливает тревожный взгляд на его осунувшемся посеревшем лице, замечает, как при резких движениях Николай Ильич старается скрыть внезапно появляющуюся боль. Он успокаивает, шутит.

Луч солнышка, пробившийся в узкое окно под потолком, шум дождя, морозные узоры на стекле — по этим приметам узник узнает смену времен года. Прогулки по площадке, огороженной высоким забором, не дают особых впечатлений.

В Новый год камера прибрана особенно тщательно; передали подарки от друзей. В пакетиках еще сохранилась морозная свежесть. В этот день можно дать себе отдых, что-то вспомнить, помечтать...

Вскоре узнает: родилась дочь. Как и условлено ранее, назвали Олесей. Когда-то придется ее увидеть?..

А со здоровьем что-то и в самом деле неладно. Ни

гимнастика, ни обтирания холодной водой не изгоняют вялость, появилось головокружение.

Снова скупой луч солнышка в окне, шум дождя с ветром. Начинается осень. Здоровье совсем подводит. Наконец в тюремной конторе ему объявляют: он переводится в Вильненскую крепостную больницу «на испытание» — начальство все еще считает его болезнью симуляцией.

Только в больнице Николай Ильич узнает, какие нечеловеческие усилия прилагала Нина, добиваясь его освобождения. В Вильно она приехала с доктором Викторовым, который обследовал Подвойского еще в Ярославской тюрьме. Он дал заключение о тяжелом состоянии узника, о необходимости его немедленно освобождения.

2

Нина Августовна не могла дождаться, когда освободят мужа, — маленькую дочь она оставила на попечение сестры, а у Ольги Августовны своих малышей трое. Вильненские товарищи убедили ее, что все обойдется хорошо, можно уезжать спокойно.

В Лунево, куда они направлялись, Подвойского сопровождал Михаил Кедров, тоже незадолго до этого освобожденный из тюрьмы. От Петербурга до Рыбинска добирались поездом, потом сели на пароход.

В Ярославль прибыли засветло. Во время стоянки поднялись по лестнице на набережную, прошли до Стрелки. Все такие же широкие дали на левом берегу, все такой же захламленный правый берег. И каменная мрачная коробка тюрьмы, камера с видом на Волгу — только ни разу не пришлось

увидеть ее — закрывали деревянные козырьки на окнах.

В сквере лицей, неоконченное учебное заведение. И столб с глобусом — место студенческих сходов. Шум, споры... Молодость! Как давно это было... Да и правда: Кедрову сейчас за тридцать, отец троих детей, Подвойскому — двадцать девять. Серьезнее стали, сдержаннее.

— Как будто снова побывали в студенческих ту-журках, — сказал Михаил, думая, видимо, о том же. — Немного грустно...

Вскоре после Костромы Кедров стал собираться. Договорились с капитаном, чтобы около Лунева их высадили в лодку. Михаил был нагружен свертками, картонками — вез заказы домашних. Ночь — ни зги не видно, на небе ни единой звездочки. Собирался дождь. Подвойский напряженно вглядывался во тьму. Но Михаил как-то угадывал, где плывут. Заметив на воде пляшущий неяркий свет, сказал с плохо скрытым волнением:

— Наши, Никола! Видишь, встречают?

Пароход сбавил скорость. Лодка заходила с правой стороны. Значит, Лунево на правом берегу.

На носу лодки сидел с зажженным фонарем человек с бородкой, в кепке. Он поднял фонарь выше, и Николай Ильич разглядел на корме жену, она зябко кутала плечи теплой шалью, ему показалось, что лицо ее залито слезами. Теперь, когда фонарь был поднят, он узнал и бородача. Это был брат Нины Александр Августович.

Кедров передал лодочнику свои свертки, прыгнул сам, помог сойти вдруг ослабевшему Подвойскому. Николай Ильич, неуверенно балансируя, перебрался на корму. Увидел рядом милое лицо Нины, она порывисто прижалась к нему.

В Лунево Подвойский быстро окреп. Он много катался на лодке, ходил в лес. Часто приезжали друзья Кедровых и Подвойских, привозили свежие новости, одну важнее другой. Не время быть в бездействии!

Въезд в Петербург Подвойскому был запрещен. Поэтому он едет в Ярославль. Подает прошение о зачислении в лицей для окончания полного курса. Новое лицейское начальство, прежде чем ответить «да» или «нет», запрашивает у охранного отделения справку о нем.

Справка не замедлила: «...принадлежал к числу членов Северного комитета, являлся одним из выдающихся руководителей Ярославской организации РСДРП, принимал участие во всех революционных выступлениях. В октябре 1905 года за полотном железной дороги у Московского вокзала на собрании забастовавших рабочих призывал к вооруженному восстанию, тогда же был арестован, но на следующий день освобожден вследствие предъявленного требования депутацией от митинга в лицее. Через два дня в лицее был опять митинг (5000 человек) — участвовали делегаты от железнодорожных мастерских, учащиеся, студенты, рабочие, — Подвойский произнес революционную речь. 19 октября принимал участие в демонстрации и был избит, помещен в губернскую больницу, откуда бежал и скрылся за границу вместе с подлежавшей аресту Дидрикиль».

Характеристика исчерпывающая. Демидовский юридический лицей был закрыт для него. Некоторое время он пытается закрепиться в Костроме, но вскоре получает назначение в Бакинскую организацию.

В 1912 году Центральный Комитет партии принял решение о создании ежедневной массовой политиче-

ской газеты «Правда». Подвойского отзывают из Баку и вводят в редакцию. В его обязанности входило финансовое обеспечение газеты, он напряженно работает в отделе рабочей хроники, занимается распространением тиража. Подвойский организует транспортировку нелегальной литературы из-за границы, ведет переписку с ЦК и Лениным, с депутатами-большевиками Государственной думы.

Для большей безопасности Николай Ильич с семьей переселяется на станцию Куоккала (Репино), в Финляндию. Здесь запрещались ночные обыски, ограничивалось вмешательство русской полиции. Сюда на имя Подвойского шли письма, среди них немало ленинских.

Много позднее в журнале «Пролетарская революция» было напечатано письмо Крупской Подвойскому. В предисловии к нему говорилось: «Это письмо, посланное из Кракова, являющегося в 1913 году местопребыванием наиболее ответственных руководителей нашей партии во главе с тов. Лениным, в Петербург на имя Подвойского, неизменного адресата ЦК из заграницы в этот период времени»¹.

4

С началом мировой войны у большевиков остался единственный печатный орган — журнал «Вопросы страхования». Редактирует его Подвойский. Одновременно он руководит больничной кассой Путиловского завода.

Нужно было использовать любую возможность для сплочения рабочих, разъяснения сущности войны, политики царизма. Нет возможности говорить

¹ Пролетарская революция, 1923, № 2(14), с. 435.

словами — используй цифры, они часто действуют сильнее. К цифровым сведениям о прибылях давались пояснения, печатались в журнале и статьи, в том числе ленинские.

... Бежавший из ссылки Фрунзе (Арсений) прибыл в Петроград. На нелегальной явке встретил старого товарища Д. Павлова, рассказал о своем положении.

Тот написал записку.

— Пойдешь в больничную кассу путиловцев.— Заметив, что Фрунзе недоуменно смотрит на него, пояснил: — В нынешнее время больничная касса служит хорошим прикрытием для нашего партийного центра. Заправляет там Подвойский. Да ты его должен знать по Иваново-Вознесенску.

Николай Ильич обрадовался Арсению. Вспомнили революционное Иваново. Фрунзе рвался в свой рабочий край.

— К текстильщикам вам нельзя, арестуют, — сказал Подвойский, приглядываясь к собеседнику.— Чем это вам грозит, знаете лучше меня. Там недавно расстреляли рабочую демонстрацию, около ста убитых. Полиция свирепствует.— Николай Ильич видел, как ожесточилось лицо Фрунзе.— Нельзя вам туда,— настойчиво повторил он.— Идите в армию. Там миллионы рабочих и крестьян, в их руках оружие. Надо, чтобы оно сработало на революцию, не как в пятом.

— Что ж, дело,— подумав, согласился Фрунзе.

Ему был изготовлен паспорт на имя Михайлова, и он уехал в Минск.

В ноябре 1916 года провокатор Черномазов донес охранке на внешне безобидную больничную кассу путиловцев. Подвойский был арестован.

Его освободила Февральская революция. И сразу же он включился в работу.

В Военной организации

1

В ночь на 3 апреля 1917 года Подвойский дежурил во дворце Кшесинской. На столе листки бумаги: планы, наброски выступлений; под рукой стакан крепкого чая. Все силы, все помыслы — Военной организации, созданной при Петербургском комитете. Организация молода, ей нет еще и месяца, потому много неясностей в работе, много трудностей.

Он устало откидывается на спинку стула; прикрыв глаза, вспоминает недавнее прошлое...

Вскоре после победы Февральской революции члены Петербургского комитета партии собрались на совещание. Сергей Николаевич Сулимов — он еще в пятом году был одним из руководителей партийной «технической группы», изготовлявшей оружие, — сообщил, что разговор пойдет о создании военной комиссии большевиков столицы.

— Армию буржуазии отдавать нельзя, — говорил он. Ладонь его резко легла на стол, будто жестом этим призывал глубже осознать значение сказанного. — Мы не можем допустить, чтобы солдаты были на стороне буржуазии и соглашателей.

Он привел цифры: в столичном гарнизоне, на Балтийском флоте более двухсот тысяч солдат и матросов. Усиление партийного влияния в воинских частях, на кораблях — вот чем незамедлительно должны заняться большевистские ячейки.

Николай Ильич, сидевший неподалеку от Сулимова, напряженно вслушивался: разве не об этом же

думал он долгие годы, разве не это имел в виду, когда в тюремной камере взялся за изучение военной литературы? «Тысячу раз прав Сергей Николаевич,— говорил он себе,— открыть глаза петроградскому гарнизону, а с ним диктовать волю всех рабочих и крестьян врагам революции. И не только здесь, в столице,— во всей стране».

— Но одна сторона дела — привлечь солдатские массы к революции,— продолжал Сулимов,— другая — организовать вооруженный пролетариат, научить его владеть оружием. Нам нужна армия из рабочих и солдат. Рабочие будут учиться у солдат воинскому искусству, солдаты у рабочих — политической сознательности. Руководить этой работой должна военная комиссия.

И вот комиссия создана, и Подвойский в числе ее руководителей. Николай Ильич понимал, какая ответственность легла на военную организацию, как непросто осуществить задуманное.

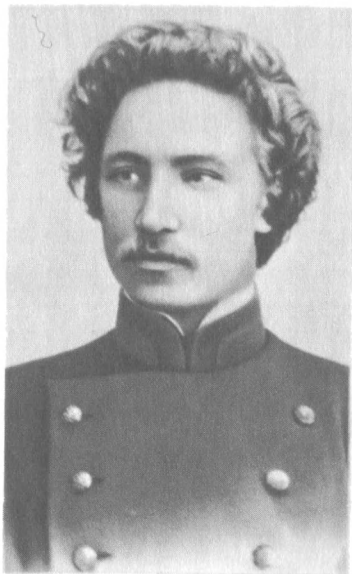
В марте военная комиссия была преобразована в Военную организацию при Петербургском комитете. В апреле она приобрела всероссийское значение, став Военной организацией при ЦК РСДРП (б).

Активная сотрудница организации М. Сулимова, постоянно общавшаяся с Подвойским, вспоминала: «Наблюдая Николая Ильича, его характер, можно было заметить, что вся его энергия определенно выявляет направление и тягу преимущественно к вопросам работы в войсках, к солдатам... которые могут стать оплотом победы социалистической революции».

... Состав солдатских комитетов, создававшихся в Февральские дни, самый разнородный, многие из них плохо разбираются в политике; в Советах засилье меньшевиков и эсеров. В таких условиях агитаторам, членам Военной организации закрыт доступ во мно-

В. И. Ленин и Н. И. Подвойский на Красной площади во время демонстрации трудящихся. 7 ноября 1918 г. Фото. Фрагмент

Н. И. Подвойский — студент
Демидовского лицея.
Ярославль, 1903 г.

Нина Августовна
Подвойская. 1904 г.

Н. И. Подвойский
в период работы
в газетах «Звезда»
и «Правда». 1912 г.

Народный комиссар
1913
Министерства Финансов.

Петроград
№ 96 К. 171

В Шмаев
(Подвойскому или
Антонову)

Подарил — Губернатору Александрову
какие-то деньги. Могут быть
какие-то деньги. Могут быть
какие-то деньги. Могут быть
какие-то деньги. Могут быть
какие-то деньги. Могут быть
какие-то деньги. Могут быть

Письмо В. И. Ленина
Н. И. Подвойскому
или В. А. Антонову-
Овсеенко. 26 ноября
(9 декабря) 1917 г.

«Ленинские дела, союзники»
Результаты Коммунистической партии (Политическая)

Партийный билет № 199/191

Подобное название Кредитно-финансовой
организации, выдающей К. А. К. П.
сей билет.

Фамилия Подвойский
Имя Николай
Отчество Иванович
Год рождения 1890

Личная подпись
владельца билета

Место для фотографической
карточки

Место
личной
подписи

Личность и подпись удостоверены

Член комитета Рабочий
август 1917 год 192 г.

Социальное положение

Рабочий

Родной язык русский

Образование высшее

Какие специальности знает русский,

украинский, английский, немецкий,
французский, итальянский, японский, португальский,
военная подготовка, работа в органах,
К. К. в. Крайняя Северная, Крайняя Южная,
и Восточная

На каких языках говорит русский

украинский, польский, немецкий, ит.

Какие местности России знает хорошо

все города Центральной, Южной, Восточной,

Украины, а также Франк, Сибирь,

Кавказ, Закавказье, Афганистан

Был ли за границей и где Закавказье

Италия, Германия, Швеция, Финляндия,

Бразилия, Япония, Австралия, Китай, Франция,

Индия, и т. д.

на иждивении Жена — жена

4 детей и 1 сын

Н. И. Подвойский принимает присягу у бойцов дивизии В. И. Киквидзе. 1918 г.

Н. И. Подвойский выступает на красноармейском митинге. Южный фронт. 1918 г.

Н. И. Подвойский и комбриг В. Н. Боженко во фронтовом поезде.
1918 г.

Н. И. Подвойский и А. С. Бубнов в сопровождении матроса Н. И. Приходько. Киев, 1 мая 1919 г.

А. В. Луначарский и Н. И. Подвойский во время записи на граммофонные пластинки. 1919 г.

Н. И. Подвойский и венгерский коммунист Тибор Самуэли. 1919 г.

Активные работники Военной организации при ЦК РСДРП(б).
Первый ряд (справа налево): П. В. Дашкевич, Н. И. Подвойский,
В. И. Невский, К. А. Мехоношин, К. А. Орлов; второй ряд: А. И. Та-
расов-Родионов, В. Л. Панюшкин, М. С. Кедров, Б. М. Занько

Н. И. и Н. А. Подвойские
с детьми. 1928 г.

Н. И. Подвойский
с дочерью Лидой,
бойцом
коммунистической
дивизии,
оборонявшей Москву.
Ноябрь 1941 г.

гие казармы. Но если даже они и участвуют в солдатских митингах, добиваются понимания, то эти успехи не закрепляются: слишком мало партийных ячеек в полках. Обо всем этом раздумывал Николай Ильич, записывая, что надо предусмотреть на завтра, на ближайшее будущее.

Наступало раннее утро и было еще темно, когда в комнату быстро вошла Мария Ильинична Ульянова. Подвойский встревоженно посмотрел на нее:

— Что случилось?

— Вечером приезжает Владимир Ильич. Получена телеграмма.

Чувствовалось, что она и рада и обеспокоена предстоящей встречей. Подвойский заботливо усадил ее на стул, предложил чаю. Мария Ильинична нетерпеливо отмахнулась.

— Это же прекрасно! — бодро сказал он, стараясь успокоить ее и в то же время думая о том, как оповестить рабочих, большевистски настроенных солдат, матросов, — ведь сегодня второй день пасхи, предприятия не работают, не выходят газеты, многие солдаты отпущены из казарм. Единственный выход — использовать живую связь.

2

Вскоре после приезда Ленин встретился с Подвойским. Внимательно оглядел, улыбнулся:

— А я ведь вас таким и представлял. Вот оно как получается: заочно давно знакомы, а видеться не приходилось. Здравствуйте, товарищ Подвойский. Садитесь и рассказывайте.

Как можно короче Подвойский доложил, с какими трудностями сталкивается Военная организация.

Рассказывал и видел: на лице Владимира Ильича появляется выражение досады.

— Солдатам большие речи не нужны,— заговорил Ленин.— В большой речи неизбежно затрагивается много вопросов. Неискушенный в политике человек не может отобрать главного, внимание его рассеивается. Ему надо говорить о мире, потому что мир нынче объединяет всех трудящихся, надо говорить о земле, о контроле над производством. И он поймет, толковать тут долго не приходится.

Удостоверившись, что собеседник слушает его внимательно, Владимир Ильич продолжал:

— Солдату нужен мир, потому что он устал, измотался за время этой тяжелой многолетней войны и теперь всеми силами жаждет отдохнуть, вернуться домой, поправить свое хозяйство. Ему нужна земля. Он знает, что его семья голодает и накормить ее может только земля. Он понимает также, что нельзя оставить в руках капиталистов фабрики и заводы, нельзя оставить власть. Все это нужно взять в руки рабочих и крестьян. И чем проще будет агитатор, чем бесхитростнее, понятливее он будет говорить об этом, тем скорее дойдет солдат до большевизма. Сейчас он еще питает надежды, что нынешняя власть даст и землю, и мир, и контроль над производством, но скоро он убедится, что ждать от этой власти нечего. И тогда соглашатели— меньшевики и эсеры— окажутся в изоляции. Народ не прощает обмана.

Заметив на лице Подвойского мелькнувшую улыбку, Ленин живо спросил:

— Вы считаете— не так?

— Да нет, Владимир Ильич. Вспомнилось— в Ярославле, в пятом году. У железнодорожников выступал меньшевик. Появился городской. Рабочие не

дали ему арестовать оратора. Но уже в середине речи меньшевика кто-то крикнул: «Чего его слушать, одну муть несет, тащи его топить в Волгу».

Ленин откинулся в кресле, засмеялся.

Подвойский сказал, что Военная организация намеревается издавать солдатскую газету. Ежедневно приходят солдаты, и каждому приходится объяснять одно и то же. Так не лучше ли, чтобы солдаты читали свою газету и узнавали, что им делать.

— Популярная солдатская газета. Это замечательно! — воскликнул Владимир Ильич. — Такая газета должна помочь партии в расширении нашего влияния на армию, а значит, и на крестьян. Никакое другое средство пропаганды, заметьте, не будет иметь такой действенной силы, как хорошо поставленная солдатская газета! Только не забудьте одно непременно условие — в солдатской газете главными авторами должны быть сами солдаты. Если вы станете выпускать газету для солдат, ничего не выйдет, надо, чтобы это была солдатская газета.

Владимир Ильич сделал ударение на слове «солдатская» и еще раз пояснил:

— Если писать будут сами солдаты, тогда читателей своих она заинтересует и завоеует популярность.

Подвойский видел, что Ленин как-то уж очень пристально приглядывался к нему, и, не понимая причины, испытывал смущение.

— Вы очень усталым выглядите, товарищ Подвойский. Надо уметь отдыхать от дел. Беречь себя.

— Отдыхать будем, Владимир Ильич, когда завершится революция.

— Ну, батенька мой, — улыбнулся Ленин. — Боюсь, тогда совсем будет не до отдыха.

Подвойский от имени Военной организации обратился в партийный комитет Кронштадта с просьбой прислать матросов-агитаторов. Подняты были на ноги и заводские партийные ячейки. На совещании, которое он созвал, решено было объявить неделю массового похода в солдатские казармы. Вызванные с предприятий рабочие-большевики говорили Николаю Ильичу:

— Как мы пойдем в казармы? Солдаты будут задавать вопросы, на которые мы не сможем ответить.

Высокий, в военной гимнастерке, с усталым, осунувшимся лицом, Подвойский спрашивал:

— О мире вы говорить можете?

— Можем.

— О земле можете?

— И о земле можем.

— А о власти?

— И о власти скажем.

— А о том, что рабочие должны установить контроль над производством?

— Это нам ясней ясного.

— Так что же вас затрудняет? Ведь в этих вопросах вся суть политики большевиков. Конечно, не везде встретят с объятиями. Но вы не должны уходить из казарм, пока не добьетесь успеха. Ешьте, спите с солдатами. А если кого из вас и поколотят, так примите колотушки. Вас будут сбивать, найдутся такие, так вы стойте твердо, главное, говорите своими словами. Как вы думаете, думает и каждый солдат. И он вас поймет.

Массовый поход в казармы, простые слова агитаторов — рабочих и матросов решительно измени-

ли настроение солдат: они стали понимать, что большевики защищают их интересы. Когда создавалась Военная организация, партийные ячейки были только в тринадцати частях Петроградского гарнизона. В апреле их стало пятьдесят и объединяли они свыше пятисот членов партии.

С середины апреля стала выходить «Солдатская правда». Для первого номера газеты Ленин написал статью «Солдаты и земля». Средний тираж газеты — пятьдесят тысяч экземпляров, в отдельные дни он доходил до семидесяти пяти тысяч. Почти половина тиража ежедневно отправлялась на фронт. Подписка большей частью была коллективной — по ротам, батальонам, полкам. Каждый экземпляр поэтому читали десятки и сотни солдат.

Прочитанные номера солдаты часто посылали в деревню. Чтобы поддержать газету, они отдавали все, что имели, даже Георгиевские кресты и медали.

Ленин внимательно следил за «Солдатской правдой» и просил постоянно держать его в курсе дел редакции. Каждое утро после доставки газеты Ленину Подвойский ждал отзыва о ней. Владимир Ильич говорил, что именно ему понравилось и какие заметки или отдельные места в них он считает неудачными или неправильными.

В одном из номеров была помещена заметка о рабочих вооруженных отрядах. Ленин попросил Подвойского дать полный отчет о том, как вооружены и обучаются красногвардейцы.

Подвойский, зная, что Владимир Ильич требует кратких, точных сведений, подготовил справку о том, что рабочие вооружились в дни Февральской революции, — из арсенала было взято 40 тысяч винтовок, 30 тысяч револьверов. Временное правитель-

ство намеревалось изъять оружие, но рабочие не отдали его. Он приводил примеры из опыта пятого года, когда у рабочих дружин было оружие, но не было знающих военное дело командиров. Поэтому в отряды Красной гвардии сейчас направлены офицеры, унтер-офицеры, солдаты-инструкторы. В настоящее время почти на всех крупных заводах Питера созданы красногвардейские отряды.

Ленин внимательно прочитал справку. Было видно, что остался доволен.

— Хорошо, товарищ Подвойский. Красная гвардия призвана повседневно охранять жизнь и безопасность рабочих и их организации от всяких покушений со стороны контрреволюции. Она должна быть вооруженным оплотом пролетариата, грозой для его врагов. Но вы недоучитываете одну сторону: и вооружение и обучение должны быть централизованными, следует готовиться к тому, чтобы при случае все отряды были слиты воедино, подчинены единому командованию.

4

Дворец Кшесинской гудел. С утра до поздней ночи толпы солдат с фронта и из тыловых гарнизонов переходили из комнаты в комнату. Одним нужны агитаторы на митинги, делегаты из действующей армии просят разъяснить, как решать злободневные текущие вопросы революции на фронте, требуют литературы. Тут же яростно стрекочут пишущие машинки, пакуются для отправки тюки газет.

Кедров в первые дни работы в Военной организации несколько растерялся. В комнату входили грубоватые, обветренные, громко разговаривающие

люди, требовали, просили, шумели. Некоторые с винтовками и гранатами. Большинство приходили за агитаторами, чтобы обсудить «создавшееся положение». Подвойского буквально атаковали, не было свободной минуты, чтобы перекинуться хотя бы несколькими словами с Кедровым.

— Куда? В Егерский? — спрашивал Николай Ильич пожилого бородатого солдата. Обвел взглядом комнату, заметил Кедрова. — Вот вам агитатор.

— Товарищ Подвойский, а как же с нами? — требовательно просит розовощекий с рыжими усиками солдат.

— Идите с ними. Закончится митинг в Егерском, заберете агитатора к себе в Измайловский.

Кедров ушел с солдатами.

На следующий день, улучив момент, Михаил Сергеевич пожаловался:

— Извини, Никола. — Он еще по старой привычке называл его так. — Для меня такая работа едва ли по силам. Вчера, после егерцев и измайловцев, какие-то солдаты затащили меня к саперам. Вечером я был выжат как тряпка.

Подвойский заразительно смеялся. Подвижный, с зазорной бородкой, он будто помолодел за последние дни. Работа Военной организации налаживалась, и это его радовало. Правда, часто приходится спать на поставленной тут же железной койке, по неделям не видеть детей. Нина тоже работает в секретариате Военной организации, но даже с ней удастся только перекинуться несколькими словами. Такие горячие наступили дни!

— Я тебя еще затащу в солдатский клуб. Будешь приучать солдат к хорошей музыке, — грозил он Кедрову.

На первом этаже дворца Кшесинской имелся большой зал с зимним садом. Его приспособили под клуб, который солдаты называли «Правда». Раз в неделю для солдат, прибывших с фронта, в клубе устраивались концерты. Посетителям вручались тексты революционных песен, и их исполнял весь зал.

В клубе читались лекции. Когда узнавали, что будет выступать Ленин, зал бывал набит до отказа. После его выступления часто можно было слышать, как солдаты рассуждали: «Вот и я так думал, да не мог объяснить, а товарищ Ленин сказал, будто в душу заглянул».

Однажды в объявлении о концерте появилась фамилия Кедрова. Внял-таки доброму совету! Михаил Сергеевич — одаренный пианист — сыграл музыкальную картину Шуберта «Лесной царь». Сначала он объяснил ее содержание, добавил, что эту музыкальную вещь любил слушать Владимир Ильич, когда находился в эмиграции.

Рассказ Кедрова и исполнение пьесы произвели на солдат сильное впечатление.

Только за июнь 1917 года в Военной организации побывало свыше девяти тысяч делегатов с фронта и из тыловых гарнизонов. Организация стала подлинным солдатским центром.

Учитывая, что деятельность военных партийных организаций приобретает все более широкий размах, ЦК партии решил провести конференцию всех фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б). Такая конференция была созвана в Петрограде. Ее делегаты представляли 43 фронтовых и 17 тыловых военных организаций, объединявших 26 тысяч членов партии. Они охватывали своим влиянием сотни тысяч солдат.

Ленин внимательно слушал ораторов с мест, беседовал с делегатами. Он выступил на конференции с докладами по текущему моменту и аграрному вопросу. Доклад о целях и задачах Военной организации сделал Подвойский.

Конференция объединила все военные организации в единую во главе с Всероссийским бюро военных организаций. В состав бюро были избраны Антонов-Овсенко, Подвойский, Крыленко, Кедров, Мехоношин, Невский и другие.

Работе в Военной организации Николай Ильич отдавал всего себя. Не было ни одного дня, чтобы он не выступил перед солдатами и рабочими. В казармах Подвойский беседовал с солдатами и моряками, в редакции «Солдатской правды» просматривал письма с фронта, наблюдал за своевременным выходом очередного номера. Все время с людьми, и так каждый день. Всем, кто встречался с Подвойским, запомнился его облик: большая голова, светлые, немного вьющиеся волосы, живые глаза. Всегда бодр, подвижен, жизнерадостен, ходит очень быстро, легко, прямо.

Вместе с Подвойским так же активно и самоотверженно работали в Военной организации все, кто входил в ее руководящее ядро. Вот фотография тех далеких дней. Вокруг небольшого столика сидят и стоят девять человек. В центре фотографии Подвойский и Невский. В воспоминаниях А. Ильина-Женевского читаем: «Переходя к личностям, нельзя не остановиться на двух работниках Военной организации: Николае Ильиче Подвойском и Владимире Ивановиче Невском. Оба они как бы взаимно дополняли друг друга. Подвойский был главным организатором и вообще душою Военной организации. Невский — главным и любимейшим солдатским агитатором — учите-

лем. Невский как бы взрыклял девственную почву политического сознания солдатско-крестьянских масс, а Подвойский засеивал их семенами дисциплины и организации... Неутомимости того и другого можно было прямо удивляться. Можно смело сказать, что по крайней мере две трети всей работы лежали на плечах этих двух товарищей».

Рядом с Невским — К. Мехоношин и К. Орлов. О члене партии с 1904 года Кирилле Орлове Подвойский говорил, что он с «рвущимся к классовому мщению сердцем рабочих, участник восстания матросов на броненосце «Потемкин», воспитатель у кронштадтцев большевистских упорства и напористости для Октябрьского восстания...»

Большевик с 1913 года Константин Мехоношин — бывший солдат Гренадерского полка, человек железной выдержки, труженик и умелый организатор. Благодаря своей неутомимости и беззаветной преданности революции выдвинувшийся в число руководителей Военной организации, он стал в годы гражданской войны видным военно-политическим работником партии, членом Реввоенсовета республики. Большой вклад в деятельность Военной организации внесли М. Кедров, П. Дашкевич, В. Панюшкин, А. Тарасов-Родионов, Б. Занько.

Много можно сказать и о других работниках Военной организации. Александр Федорович Ильин-Женевский еще в годы эмиграции познакомился с Лениным, выполнял его поручения. Выдержанный, самостоятельный, энергичный, инициативный и решительный. За эти качества его ценили и глубоко уважали товарищи. Прапорщика Ивана Петровича Павлуновского Подвойский характеризовал как человека «с сердцем, способным после раз принятого решения отдаться борьбе и битве до самозабвения»,

...Не было никакой сумятицы, словно все заранее предугадали и знали, что так и будут развиваться события.

Наступление на фронте провалилось и вызвало озлобление солдат: они ждали от Временного правительства мира, а их по-прежнему гонят на убой; усиливающийся голод в стране вызывал недовольство рабочих, на промышленных предприятиях не затихали волнения. Это недовольство нельзя было ничем сдержать. Первая вспышка произошла в пулеметном полку.

Солдатский митинг решил: выйти на улицу с лозунгами о передаче всей власти Советам, направить делегации к рабочим и кронштадтским морякам. Делегации солдат были встречены с пониманием. Большевики старались предостеречь рабочих от несвоевременного выступления. Гудящей толпой солдаты пришли к дворцу Кшесинской и потребовали, чтобы большевики заставили Советы взять власть у Временного правительства.

Подвойский объяснял собравшимся, что на местах еще продолжают верить Временному правительству, ждут от него реформ, что нынешнее выступление не будет всенародным. По суровым решительным лицам видел: не убедил. Не сдержался, сказал с упреком:

— Товарищи, мы уже пять месяцев ведем вместе с вами борьбу. Неужели вы не верите, что мы служим интересам революции? Если революция вам дорога, не делайте этого...

— Теперь не время разговоров! — кричали ему. — Действовать надо!

Потом выступал Яков Михайлович Свердлов. Его зычный голос доносился до задних рядов тысячной толпы. Солдаты переговаривались и стояли на своем. Учитывая настроение масс, совместное заседание ЦК, ПК и Военной организации в ночь с 3 на 4 июля вынесло решение принять участие в демонстрации, чтобы придать ей мирный характер.

Демонстрация была и организованной и мирной, но по приказу Временного правительства ее расстреляли. Начались аресты большевиков. Ночью юнкера разгромили помещение «Правды» и типографию «Труд», где печатались большевистские издания. ЦК партии предложил отряду кронштадтских моряков взять под охрану штаб революции — особняк Кшесинской.

Утром 6 июля стало известно, что прибывшие с фронта верные Временному правительству войска окружают дворец. Часом позже из Петроградского военного округа поступила телефонограмма-ультиматум: освободить помещение в сорок пять минут, в противном случае будет применено оружие. Не было смысла допускать вооруженное столкновение между фронтовыми частями и матросами, и ЦК партии постановил оставить дворец.

В комнате Военной организации Подвойский находился до последних минут. Без спешки отобрал документы, которые надо было обязательно сохранить. Но вот наконец все. Сосредоточенный, с документами под гимнастеркой, стянутой ремнем, Подвойский шел мимо офицеров, уже захвативших помещение. Может быть, эта сосредоточенность, уверенность, с какой он шел, и помогла — его не остановили.

День был жаркий, безветренный. Идти с документами, туго затянутыми ремнем, было неудобно, купить бы газету да сделать сверток, но лучше не

рисковать. Последние месяцы приходилось являться домой в самое разное время; чтобы не беспокоить домашних, в кармане всегда был ключ от квартиры.

Но на этот раз ключ не понадобился. Нина Августовна встретила на лестничной площадке, видимо, стояла у окна, увидела. Не скрывая тревоги, наблюдала, как он поднимается по ступенькам.

Из распахнутой двери шагнул навстречу Кедров.

— Наконец-то! — облегченно произнес он. — А мы не знали, что и подумать.

Кедров внимательно следил, как Николай Ильич, закрыв дверь на крючок, расстегнул ремень и вытряхнул из гимнастерки кипу бумаг. Нина Августовна укоризненно покачала головой: мальчишество — так рисковать собой, когда в городе идут облавы.

— Неужели другого выхода не было? — с упреком спросила она.

— Значит, не было. — Николай Ильич легко вздохнул, расправил плечи, ощущение было такое, словно сбросил тяжелую ношу.

— Спрячь понадежнее, — попросил он жену.

— Ну, тут у вас ненадежно, — вмешался Михаил Сергеевич. — Спрячу в другом месте. Доверься мне.

Николай Ильич насмешливо прищурился.

— Так же понесешь? Под рубахой?

— Зачем? У меня министерский портфель. — Кедров кивнул на стул, где лежал легкий саквояж с блестящими защелками.

— Подойдет. Господина с таким портфелем никто не заподозрит. Теперь господа опять в почете, воспряли духом.

Николай Ильич ушел умываться на кухню. Нина Августовна озабоченно посмотрела на Кедрова.

— Миша, скажи ты ему. Меня не послушает, заупрямится.

— Переупрямим,— сказал Михаил Сергеевич и, когда Николай Ильич вернулся в комнату, обратился к нему: — Николай, тебе надо укрыться на несколько дней.

— Зачем это? Что мне грозит?

— Да пока будто и ничего, а все-таки испытывать судьбу незачем. Поживешь у меня. Всего несколько дней. Обойдут вашу квартиру — Нина придет за тобой.

— Нет уж,— решительно возразил Николай Ильич.— Отсиживаться некогда.— Повернулся к Нине Августовне, попросил: — Ты сегодня не очень жди меня, могу не прийти. Буду на Путиловском.

Нина Августовна не стала спорить, знала — бесполезно.

Шестой съезд партии...

Подвойский выступал на пятом заседании. Он докладывал, как отразились июльские события на отношении солдат к большевикам.

— Влияние партии в полках Петроградского гарнизона,— говорил он,— не только осталось прежним, оно окрепло.

Николай Ильич рассказал, как строится партийная работа в воинских частях и что к солдатам все чаще направляются агитаторы — представители заводских коллективов. К рабочему солдат относится доверчивее, видит в нем своего человека, у них завязывается прочное знакомство.

— Можно смело утверждать, что войска Петроградского гарнизона идут за нами.

О красногвардейцах он сказал так:

— Работа ведется в нелегальных условиях, но в подавляющем большинстве все созданные ранее отряды сохранены. Сохранено также и оружие, несмотря на проведенные обыски.

Рассказывая, Николай Ильич приглядывался к сидящим в зале. Много знакомых, дорогих товарищей, разделявших вместе с ним нелегкую работу в Военной организации в эти трудные послеиюльские дни. Но нет Антонова-Овсеенко, Луначарского, Дыбенко. Все в тюрьме. Нет и Ленина — укрыт в глубоком подполье.

Напряженными были эти неполные три недели.

После того как Временное правительство закрыло «Правду» и «Солдатскую правду», встало множество проблем. Надо было наладить выпуск новой газеты, подыскать помещение для Военной организации. Юнкера и казаки наводнили рабочие районы, пытались обезоружить красногвардейцев. Нужно было найти надежные тайники, чтобы сохранить оружие для будущих боев.

Однажды улицы огласились звонкими мальчишескими криками:

— Новая газета! Утренний выпуск! «Рабочий и солдат»! Покупайте газету «Рабочий и солдат»!

Газету расхватывали. В рабочих районах, солдатских казармах ее приняли с удовлетворением: «Просчитались, господа Керенские! Можно разгромить помещение, но большевиков не осилишь. Кишка тонка».

Ленин из подполья через Свердлова руководил газетой. В редакционную коллегию входили Подвойский, Невский, Кедров, Ильин-Женевский. Демьян Бедный печатал в ней хлесткие басни за подписью «Солдат Яшка — медная пряжка».

О содержании ленинских писем «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» Подвойскому сообщил Свердлов.

— Владимир Ильич считает,— говорил он,— теперь, после разгрома корниловщины и завоевания большинства в Советах, партия должна взять государственную власть в свои руки.— Помолчал, глубоко вздохнул и продолжал: — К сожалению, не все думают так. Каменев выступил против предложения Ленина о подготовке вооруженного восстания. Какие выводы из этого должны сделать руководители Военной организации, надеюсь, тебе понятно. Только учти, никаких поспешных действий, чтобы не возникло преждевременных выступлений в казармах и на заводах.

— Учтем, Яков Михайлович, и будем действовать, как советует Владимир Ильич.

На очередном совещании Подвойский передал членам Военной организации разговор со Свердловым. По-доброму улыбнулся, заметив, как зажглись глаза Тер-Арутюнянца, как восторженно толкнул он в бок своего соседа и приятеля прапорщика Георгия Благодрава, а через минуту, когда услышал о разногласиях в партийных верхах, помрачнел.

— Позор! Большой позор! — оглушающе выкрикнул он. Тер-Арутюнянец пытался вскочить, и только урезонивающий шепот Благодрава да настойчивое дерганье за рукав заставили его сдержаться.

Николай Ильич любил этих двух молодых офицеров. Пылкость южанина Тер-Арутюнянца уравновешивалась спокойной рассудительностью Благодрава, хотя тому и шел всего двадцать первый год. Тер-Арутюнянец был несколько старше. Оба рвались к

работе, заражались ею, горели и никогда не знали послушания. Подвойскому по душе была горячность Тер-Арутюнянца, он сам испытал радостную взволнованность, когда узнал от Якова Михайловича, что ЦК партии решил ускорить подготовку к восстанию. Рабочие и солдаты рвутся в бой. После разгрома корниловского мятежа у рабочих осталось много оружия, боеприпасов, солдатские части охотно поддерживали большевиков, видя в них силу, способную удовлетворить их чаяния и надежды. Еще в июне Военная организация объединяла двадцать шесть тысяч членов партии, теперь же только фронтовые организации имеют их пятьдесят тысяч. Помимо крупных отрядов Петрограда и Москвы много членов партии было в гарнизонах Тулы, Нижнего Новгорода, Киева, Твери, Ярославля, Воронежа.

В июле Красная гвардия была вынуждена перейти на нелегальное положение; на некоторых заводах отряды сохранялись под видом заводской охраны. Временное правительство делало попытки разоружить рабочих, но встретило решительный отпор. В дни борьбы с Корниловым Красная гвардия вышла из подполья. Но красногвардейские отряды оставались разрозненными. Нужно было позаботиться об их укреплении.

Руководящие работники Военной организации разрабатывали документы, получившие название «Организация рабочих дружин» и «Что должен помнить каждый красногвардеец». Они содержали своеобразную программу боевой подготовки рабочих отрядов, советы по строевой дисциплине, изучению материальной части оружия, тактике уличных боев.

По этой программе в Петрограде проводились военные занятия почти на всех фабриках и заводах.

1

Наступил октябрь 1917 года. Все говорило о приближении решающей схватки. В начале октября в Петроград нелегально вернулся Ленин.

В своих статьях и письмах он наметил конкретный план восстания. Необходимо, писал Владимир Ильич, «комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову...

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,— такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*»¹.

В начале октября правительство Керенского, напуганное приближавшимся восстанием, решило сдать столицу немцам и отдало приказ о выводе войск из Петрограда якобы для защиты подступов к нему. На заседании Исполкома Петроградского Совета большевики предложили создать Военно-революционный штаб, который в противовес штабу Петроградского военного округа обеспечил бы оборону столицы, запретил вывод войск из нее. Меншевики и эсеры выступили против.

12 октября Исполком Петроградского Совета принял резолюцию большевиков. Военно-революционный

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 383—384.

комитет был создан. В него вошли представители ЦК и ПК РСДРП(б), Военной организации большевиков, Центробалта, Петроградского Совета, солдатских комитетов частей гарнизона, фабзавкомов.

Через день на квартире машиниста Финляндской железной дороги Г. Ялавы Ленин встретился с руководящими партийными и военными работниками — Антоновым-Овсеенко, Дзержинским, Кедровым, Невским, Подвойским и другими. При обсуждении вопроса о вооруженном восстании он интересовался составом ВРК, определил его роль и задачи.

Обращаясь к Подвойскому, Владимир Ильич говорил:

— Партии и нужен полномочнейший орган восстания, который был бы связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Он должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам. Этой — и только этой — цели должен служить Военно-революционный комитет.

На первом заседании ВРК было решено взять управление гарнизоном в свои руки, запретить штабу Петроградского военного округа без ведома революционного комитета предпринимать какие-либо действия. С этого времени Петроградский ВРК стал фактически Всероссийским штабом вооруженного восстания. Вся его деятельность осуществлялась под непосредственным руководством ЦК партии во главе с Лениным. Для практического руководства восстанием был создан Военно-революционный центр ЦК в составе А. Бубнова, Ф. Дзержинского, Я. Свердлова, И. Сталина, М. Урицкого. Этот центр вошел в состав ВРК в качестве его руководящего ядра.

Несколько позже Военно-революционный комитет утвердил бюро ВРК в составе П. Лазимира, В. Анто-

нова-Овсеенко, Н. Подвойского, А. Садовского, Г. Сухарькова. Председателем ВРК избрали Лазимира, секретарем — Антонова-Овсеенко.

Бюро ВРК являлось коллегиальным органом, и распределение обязанностей там было чисто формальным. Документы ВРК за председателя и секретаря подписывали все члены бюро, а также Дзержинский, Свердлов, Скрыпник и другие. После того как Лазмир был направлен представителем ВРК в штаб Петроградского Военного округа, функции председателя выполнял Подвойский. В этом качестве он начал подписывать документы с 23 октября 1917 года.

На конференции красногвардейцев Петрограда большинство выступавших заканчивало речи словами: «Нам нужно оружие». Когда Подвойский и Свердлов спрашивали, сколько надо оружия, им отвечали:

— Сколько дадите, столько рабочих и станет под ружье.

Для решения этой задачи комиссаром Петропавловской крепости был назначен прапорщик Георгий Иванович Благодрагов. Николай Ильич писал: «Его испытанности, уму, выдержке, твердости, верности до смерти раз принятому решению отдано было командование Петропавловской крепостью». В случае, если бы Временное правительство попыталось отрезать Смольный от восставших, Благодрагов с солдатами пришел бы на помощь штабу революции. Ответственный пост комиссара Кронверкского арсенала в Петропавловской крепости, где хранилось большое количество винтовок и боеприпасов, был доверен Михаилу Карповичу Тер-Арутюнянцу.

Арестовав контрреволюционных офицеров гарнизона Петропавловской крепости, Благодрагов и Тер-

Арутюнянц доложили, что оружие можно раздавать рабочим отрядам.

Подвойский горячо их поздравил:

— Большое дело сделано, товарищи! Немедленно сообщим на заводы...

Через несколько часов за оружием на грузовиках прибыли представители Путиловского завода. До позднего вечера 25 октября без перерыва производилась выдача оружия рабочим.

2

Вынужденный после своего возвращения в Петроград скрываться от преследований Временного правительства, Ленин тем не менее постоянно встречался с работниками ЦК партии и военными руководителями.

Вечером 20 октября Подвойский выступал на митинге в Измайловском полку. После митинга он направился в Смольный. Встретивший его Свердлов шепнул:

— Пойдешь к Ленину вместе с Антоновым-Овсеенко и Невским. Владимир Ильич требует подробных сведений. Разущи Антонова и Невского. И остерегайтесь слезки. Заметите что-либо подозрительное — возвращайтесь, не подходите к дому.

Антонова-Овсеенко Подвойский нашел в группе моряков, отозвал, сказал, какая предстоит встреча. Длинноволосый, очкастый, похожий на земского учителя, Владимир Александрович Антонов-Овсеенко порывисто сказал:

— К Ленину? Как ты меня обрадовал!

— Потихе-то нельзя? — Подвойский проговорил это, сам радуясь предстоящей встрече с Владимиром Ильичем. — Невского не видел?

— Да тут где-то. Видел с Зиновьевым только что, тот в свою веру Владимира Ивановича обращал. Оба злющие.

— Не удалось обратиться?

— Едва ли.— Антонов показал в дальний конец коридора. Там среди тесно сгрудившихся людей увидел Невского и Зиновьева. Зиновьев взмахивал руками, что-то запальчиво доказывал, лицо его покрылось красными пятнами. Владимир Иванович, в потертом пиджаке, косоворотке, устало прислушивался, на губах застыла недоверчивая улыбка. Другие тоже не вступали в разговор, да им, наверно, и не удалось бы найти паузу, Зиновьев говорил беспрерывно.

Владимир Иванович заметил Подвойского и Антонова, повернулся к ним.

— Ты нам нужен.— Николай Ильич потянул Невского за рукав.— И очень спешно.

— Подите, подите,— не сумев скрыть злости, напутствовал Невского Зиновьев.— Великих заговорщиков ждут великие дела.

У подъезда сели в автомобиль. Квартиру рабочего Павлова, где должна быть встреча с Лениным, Подвойский хорошо знал по четырнадцатому году: когда он работал в больничной кассе Путиловского, часто приходилось ею пользоваться для встречи с товарищами. Не доезжая квартала, вышли из машины и решили идти к нужному дому порознь. Невский, находясь все еще под впечатлением разговора с Зиновьевым, сказал о нем:

— Беснуется, не может перенести своего поражения... Заело честолюбие, где уж тут спокойно во всем разобраться.

— Как нам не хватает еще нескольких дней, недельки две! Не все как нужно сделано,— вырвалось у Подвойского.

Антонов удивленно вскинул на лоб очки, посмотрел на Николая Ильича:

— Не скажи об этом при встрече. Хороши мы будем после этого.

— Что есть, то и надо сказать.

— Люди рвутся на баррикады, решение принято. Что еще?

— Никогда не будет сделано все до мелочей,— примирительно заявил Невский, видя, что вспыльчивый Антонов готов устроить спор.— Но и себя не годится обманывать.

Подвойский пришел на квартиру первый. Открыл хозяин. В комнате, куда его провели, сидел старичок в очках, сжимая пальцами виски, читал газету. Он быстро взглянул на вошедшего и вновь углубился в чтение. Подвойский присел на стул. Старичок вдруг задорно сказал:

— Что, товарищ Подвойский, не узнали?

Какой знакомый голос и как не похож весь облик старичка на Ленина!

— Не узнал, Владимир Ильич,— растерянно сказал Подвойский.— Да и как узнать...

Ленин снял очки, стащил парик, глаза его весело щурились.

— Ну-с, теперь здравствуйте, Николай Ильич. Где ваши товарищи? Задержались?

— Идут окольными путями. Не хотели являться все вместе.

— Окольными путями? — засмеялся Ленин. Он весел, оживлен, ходит по комнате упругими, легкими шагами.— Надеюсь, они не поддались на меньшевистскую удочку, это те любят окольные пути...

Вошел Антонов-Овсеенко. Ленин уже опять в парике, в очках и очень доволен, видя недоумевающий, пристальный взгляд вошедшего. Вскоре подошел и Невский.

Но вот все в сборе. Когда уселись за стол, Владимир Ильич оглядел каждого.

— Что думает Военная организация? Какими силами она располагает? Готовы ли к восстанию солдаты и рабочие? Вот вопросы, на которые хотелось бы получить подробнейшие сведения.

Первым отчитывался Антонов-Овсёенко: балтийские моряки готовы к выступлению, отдельные только небольшие корабли, подводные лодки на стороне правительства, если говорить о солдатах, расквартированных в Финляндии...

— Солдаты, Владимир Ильич, рвутся в бой.— Антонов говорит это и значительно смотрит на Подвойского. Невский перехватывает его взгляд, вмещивается:

— Некоторые товарищи, как и Владимир Александрович, преувеличивают нашу готовность к восстанию. Мы еще мало знаем, как поведут себя войска Северного фронта. У нас не созданы надежные заслоны на пути к Питеру. Контрреволюционные войска могут взять в кольцо столицу. Необходимо срочно послать надежных товарищей, все тщательно проверить.

— Да, это важно,— согласился Владимир Ильич и снова обратился к Антонову:— Какие же полки пойдут вместе с нами? И как перебросить революционных моряков из Гельсингфорса и Кронштадта в Питер? Рабочие и моряки стойко вели себя в дни корниловщины, без моряков рабочим не обойтись. Могут ли они направить корабли в Питер?

— В Неву подтянуть все корабли невозможно. Матросов можно перебросить по железной дороге,— пояснил Антонов.— Что касается солдат, они выступят по первому зову.

Владимиру Ильичу ответ, видимо, показался не совсем четким.

— Немедленно поезжайте в Кронштадт и Выборг, выясните все сами.— И к Подвойскому: — А какая обстановка в Питере?

Николай Ильич доложил о положении в каждом районе. По его мнению, наиболее сильные, обученные и многочисленные красногвардейские отряды имеются на Выборгской стороне. Расквартированный там Московский полк ведет обучение красногвардейцев, в дни восстания солдаты бок о бок пойдут с красногвардейцами. Крупный отряд Красной гвардии на Путиловском заводе, с ним имеют тесную связь все остальные отряды Московско-Нарвского района. Солдаты столичного гарнизона подчиняются указаниям комиссаров Военно-революционного комитета. Без подписи комиссаров никакое постановление штаба округа не выполняется.

В то же время Подвойский сказал, замывшись:

— Чем лучше мы подготовимся, тем успешнее и безболезненнее проведем восстание. Военная организация направила своих представителей в армии Северного и Юго-Западного фронтов — в Минск, Брянск и другие города, чтобы выяснить, какую поддержку они смогут оказать. Поэтому не надо бы так спешить с восстанием. Подождать полной готовности...

— Подождать полной готовности! — Ленин резко встал, прошелся по комнате.— Вы сказали, какая на нашей стороне сила — тысячи рабочих и солдат, да кронштадтцы, да выборжцы! Никакого промедления, восстание назрело!

Потом, словно в чем-то усомнившись, Владимир Ильич спросил:

— Полностью ли вы отвечаете за все сведения, сообщенные мне? Хорошо ли они проверены вами?

Получив утвердительный ответ, Ленин стал уточнять: Кто сообщил? Когда сообщил? При каких обстоятельствах? Кто там секретарь партячейки?..

Подвойскому казалось, что он дал исчерпывающие сведения, но Владимир Ильич хотел все знать точно, и вопросы сыпались один за другим. Откуда Военная организация думает брать оружие? Вы хвалили командира этого отряда, а знаете ли вы его?

— Замечательный, говорите, человек. Голову положит за революцию. А какова его военная квалификация? А тактику уличных боев знают ваши командиры Красной гвардии?

Подвойский признался, что с этой стороны он командиров хорошо не знает.

— Восстание — это не собрание для выслушивания докладов, это борьба с оружием в руках. Тут надо действовать не только самоотверженно, но и умело, иначе промах может поставить на карту весь исход восстания... Восстание, — продолжал Ленин, — это самый острейший вид войны. Это великое искусство. Конечно, смелые командиры своим примером, дерзновением и храбростью делают чудеса. Но какой это командир для вооруженного восстания, если он не умеет стрелять? Следует сейчас же заменить таких командиров другими. Руководители, не знающие тактики уличного боя, погубят восстание.

Подвойский заверил Ленина в том, что его указания будут выполнены.

Уходили опять по одному. Когда уже были в машине, Антонов усмехнулся, сказал Подвойскому:

— Не послушал моего предостережения и получил нагоняй. Вот что вышло.

— Все получили нагоняй, — ответил тот. — Когда отъезжаешь в Кронштадт?

— Когда? Сам слышал. Сейчас же и еду.

В канун восстания ВРК работал особенно напряженно. С командирами Красной гвардии на второй же день после беседы с Лениным были проведены занятия по тактике уличного боя. Некоторых командиров заменили более опытными. Анатолий Васильевич Луначарский вспоминал потом об этих днях. «Весь Смольный,— писал он,— ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех комнатах, но наибольший человеческий прилив, настоящий страстный буран — в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал Военно-революционный комитет... Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле. А в самой задней комнате, не отходя от стола, несколько товарищей посылают, словно электрические токи, во все стороны... свои приказы.

Я до сих пор не могу без изумления вспомнить эту ошеломляющую работу и считаю деятельность Военно-революционного комитета в красные Октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающим, какие неисчерпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает к усилию громовой голос революции».

...На двух сдвинутых столах, прижатых к стене, был приколот кнопками план города, весь испещренный флажками. Склонившись, Николай Ильич рассматривал его, время от времени листал записную книжку. Как ни хороша память, в эти дни просто не-

возможно все упомнить. А надо. Ничего не забыть! Малейшее упущение может привести к непредвиденному.

Шум в помещении, непрерывные телефонные звонки не мешали ему. Иногда он с доброй усмешкой взглядывал на безусого красногвардейца в темной тужурке, подпоясанного широким ремнем: тот взял добровольное дежурство у телефонного аппарата. После каждого звонка парень поспешно срывал трубку, кричал звонко, радостно:

— Кого? Да! Сейчас...— Видимо, он впервые познакомился с телефоном и отвечать ему нравилось.— Товарищ Подвойский, просят прислать грузовики.

— Эк как легко — грузовики,— усмехнулся Николай Ильич, одобряя взглядом парня.

Но во время разговора лицо его посуровело.

Командующий Петроградским военным округом Полковников спешно стягивал верные правительству войска. В распоряжение округа прибыли с фронта «батальон смерти», кавалерия. Командир революционного Гренадерского резервного полка просил прислать два-три грузовика для установки на них пулеметов, иначе будет трудно справиться.

Положив трубку, Николай Ильич обратился к красногвардейцу:

— С какого завода, товарищ?

— С Русско-Балтийского.

— Большевик?

— Так точно, товарищ Подвойский. Руднев моя фамилия.

Мог ли Николай Ильич предположить, что стоявший перед ним парень с честью пройдет всю гражданскую войну, а в Отечественную станет комиссаром прославленного партизанского соединения?

Он написал записку, передал Рудневу.

— Пойдете в бронедивизион. И как будет выполнено распоряжение, сразу возвращайтесь сюда.

— Есть, товарищ Подвойский.— Гордый поручением, красногвардеец бросился к двери.

Да, Временное правительство, потеряв влияние в Петроградском гарнизоне, надеется на помощь фронтовых частей. Нужно лишить его этой надежды, не допустить подхода войск.

На коротком совещании членов ВРК решено было накануне восстания через радиостанцию «Авроры» отдать приказ гарнизонам, охраняющим подступы к Петрограду,— не допускать ни одной воинской части, которая «не известна заранее преданностью революции».

Правительство могло надеяться на юнкерские училища. И попытки поднять юнкеров уже были. Полковников 24 октября отдал распоряжение Павловскому училищу выступить к Зимнему. Вмешался комиссар Гренадерского полка Ильин-Женевский — солдаты, обслуживавшие училище, сообщили ему о готовившемся выступлении.

Комиссар прислал в ВРК связного. Выслушав его, Подвойский сурово сказал:

— Немедленно разоружить. Если они не смогли выступить сегодня, выступят позднее.

Комиссару Петропавловской крепости Благонравову было приказано выделить в помощь гренадерам броневой автомобиль.

Еще утром юнкера по приказу штаба округа пытались разгромить типографию, где печаталась большевистская газета «Рабочий путь». Подоспевшие солдаты Литовского полка и красногвардейцы разогнали погромщиков. А несколькими часами позже в Смольный прибыл грузовик, доверху нагруженный тиражом другой большевистской газеты — «Солдат».

Штаб округа постановил закрыть хотя бы эту газету. Но рабочие и матросы не дали конфисковать тираж; Еремеев на захваченном грузовике доставил его по назначению. Выдающийся агитатор и пропагандист Константин Степанович Еремеев пользовался огромной известностью и популярностью у солдат столичного гарнизона. Они с любовью называли его «наш дядя Костя».

Когда весьма довольный Еремеев появился в помещении ВРК, Подвойский беседовал с делегатами, приехавшими на II съезд Советов,— он не упускал случая расспросить, как настроены рабочие и солдаты на местах. Долго он не отпускал делегатов Ярославской губернии. Познакомившись с ними, с сожалением отметил, что нет среди них ни одного, с кем работал в пятом году, да и по возрасту делегаты были молоды: двадцать три — двадцать пять лет, разве что более умудренным казался Николай Федорович Доброхотов. Покручивая хитровато ус, он передал, что ярославские рабочие наказывали им: «Без власти Советов домой не возвращайтесь».

Поздно вечером 24 октября к Ленину пришел связной ЦК Эйно Рахья. Владимир Ильич подробно расспросил его о сложившемся положении и сказал:

— Идем в Смольный.

Благополучно добравшись до Смольного, Ленин взял в свои руки руководство восстанием. Он инструктирует представителей районных Советов, торопит их развернуть наступательные действия, захватить прежде всего ключевые объекты. Владимир Ильич поддерживает постоянную связь с заводами, полками, кораблями, вникает во все детали восстания.

Вместе с Антоновым-Овсеенко и Чудновским Подвойский вошел в состав оперативной тройки, которой было поручено общее руководство штурмом Зимнего.

Вспоминая о ее заседаниях, член ВРК Садовский писал: «В маленькой комнате была разложена карта; Антонов сидел на кровати, а Подвойский с Чудновским яростно спорили о плане действий против Зимнего дворца...» Ленин постоянно посылал к ним курьеров с записками в несколько слов: «Взята ли центральная телефонная станция и телеграф?», «Захвачены ли мосты и вокзалы?..»

Эту обстановку хорошо описал Владимир Маяковский:

А в Смольном,
в думах
о битве и войске,
Ильич
гримированный
мечет шажки,
да перед картой
Антонов с Подвойским
втыкают
в местах атак
флажки.

На площади перед Зимним началась перестрелка. Из-за штабелей дров, прикрывавших подступы к основным воротам дворца, юнкера вели ружейный и пулеметный огонь. Подвойский обошел участок, который занимал Павловский полк, остановился перед аркой Главного штаба. О стену дробно стучали пули, на мостовую сыпались осколки оконных стекол. Он посмотрел на часы. Было 21 час 40 минут. Сейчас в Смольном собираются делегаты II Всероссийского съезда Советов. Дворец окружен. Нужно действовать! И вот гулко ухает пушечный выстрел с «Авроры». Тысячи голосов подхватывают команду:

— На штурм последнего прибежища Временного правительства! Ура!

Красногвардейцы, солдаты и матросы устреми-

лись к дворцу. Подвойский шел в рядах Павловского полка.

Передние уже карабкались на баррикады, разбрасывая поленья, и, спрыгнув вниз, разражались восторженными криками. Под ногами валялись груды винтовок — юнкера побросали их и укрылись в многочисленных залах дворца. Двери подъездов по обе стороны ворот были распахнуты настежь.

Главные силы штурмующих ворвались во дворец. На лестницах, в коридорах и залах жались кучками бледные от страха юнкера, истерично кричали представительницы женского батальона.

Распахиваются двери одной из комнат.

— Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!

Это Антонов-Овсеенко с отрядом красногвардейцев появился перед растерявшимися министрами Временного правительства. Робкие попытки протеста, заявления о своей неприкосновенности вызвали насмешливые улыбки у красногвардейцев.

Из Зимнего победители выходили в приподнятом настроении. Они выводили арестованных министров. Наблюдая эту картину, Николай Ильич сказал Еремееву:

— Ну, теперь конец.

И, несмотря на всю напряженность закончившихся суток, воскликнул:

— Как прекрасен минувший день!

А Маяковский позднее напишет об этом так:

До рассвета
осталось
не больше аршина,—
руки
лучей
с востока взмóлены.

Товарищ Подвойский

сел в машину,
сказал устало:

«Кончено...

В Смольный».

Известие о взятии Зимнего Владимир Ильич получил, когда находился в комнате Военно-революционного комитета. Сообщил об этом окружавшим его товарищам. Дружное «ура!», восторженные лица. Ленин и Бонч-Бруевич пошли в зал, где ожидали подробностей делегаты съезда, — они знали о начавшемся штурме Зимнего, слышали пушечный выстрел и теперь нетерпеливо ловили каждое сообщение. В коридоре Бонч-Бруевич шепнул Владимиру Ильичу:

— Снимите парик. Давайте спрячу. Почему знать, может, еще пригодится.

Ленин внимательно взглянул на него:

— Мы берем власть всерьез и надолго.

Подвойский вернулся в Смольный глубокой ночью. Подробно рассказал Владимиру Ильичу, как проходил штурм Зимнего. Ленин внимательно слушал, иногда коротко переспрашивая, потом сказал:

— В последние дни вам было не до сна. Отдохните. У революции очень много дел. Революции необходима вооруженная защита, и ее нужно создать. Грош цена нам будет, если не сумеем защитить завоевания рабочих.

В первом Советском правительстве — Совете Народных Комиссаров, образованном II съездом Советов, был создан Комитет по военным и морским делам. В него вошли Антонов-Овсеенко, Крыленко, Дыбенко. В состав комитета был включен и Подвойский.

1

На следующий день после победы вооруженного восстания Керенский вкупе с генералом Красновым организовали наступление на Петроград. Казачьи полки Краснова заняли Гатчину. Воспользовавшись тем, что многие войсковые части и отряды Красной гвардии ушли на защиту столицы, в городе подняли мятеж офицеры и юнкера.

В ночь с 27 на 28 октября Ленин приехал в штаб Петроградского военного округа и попросил Антонова-Овсеенко, Мехоношина и Подвойского рассказать о положении под Петроградом после захвата Гатчины казаками. Владимир Ильич интересовался планами борьбы с Красновым, поставил штабу задачи по организации защиты Петрограда. Озабоченный создавшимся положением, он потребовал поставить себе стол в кабинете Подвойского. Николая Ильича несколько смутило это: разве Совнарком не доверяет только что избранному на съезде военному руководству?

— Дело не в недоверии,— спокойно ответил Ленин,— а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти, каким образом организуют оборону Питера.

И тут же засыпал градом вопросов:

— Как защищена железнодорожная линия Гатчина — Тосно? Какие силы там имеются, надежны ли они? Почему не вызвана кавалерия из-под Новгорода? Обеспечены ли солдаты и красногвардейцы необ-

ходимым вооружением? Как вы мыслите это сделать?

Подвойский отвечал:

— Оборона Питера налаживается... Но некоторые воинские части медлят с выступлением на фронт...

Лицо Ленина сделалось суровым. Не повышая вроде бы голоса, Владимир Ильич сказал, но так, что Подвойскому показалось, будто он кричит:

— Вы ответите перед ЦК, если полки не будут сейчас же выведены. Слышите, сейчас же!

Особенно Ленина беспокоило плохое снабжение красногвардейских отрядов. В этом, да и в ряде других случаев люди зачастую не находили решения там, где его, казалось бы, легче всего найти. Например, путиловцы производят пушки, но их не на чем вывезти — нет лошадей. А между тем мимо завода проходит железнодорожная ветка, орудия можно поставить на платформы и отправить на позиции. Это ведь так? — спрашивал Владимир Ильич.

Упреки эти, правда, не относились непосредственно к Подвойскому, однако от этого было не легче.

К середине дня 29 октября основные силы юнкеров были разгромлены. Обстановка на фронте тоже изменилась к лучшему: на позиции выступили шесть полков Петроградского гарнизона. Вместе с уже сражавшимися красногвардейцами и солдатами они смели войска Краснова.

В вооруженной помощи для установления и защиты Советской власти нуждались многие другие города и районы страны. Подвойский вызывал армейских коммунистов, тщательно их инструктировал, снабжал мандатами ВРК и направлял на места. Владимир Ильич по-прежнему приходил в его кабинет, садился за свой стол, где стоял телефон, и работал. Не все посетители сразу осваивались в его присут-

ствии. Ленин включался в разговор, расспрашивал, чего они ждут от Советской власти. Его заинтересованность покоряла, человек быстро становился самым собой. Присутствие Владимира Ильича, его умение разговаривать с разными людьми было большой школой для Подвойского.

Николай Ильич телеграфировал в Тверь, Тулу, Ярославль, Иваново-Вознесенск — требовал немедленно выслать в Москву красногвардейские отряды; через некоторое время Ленин спросил:

— Вы считаете, достаточно этих отрядов? Насколько они боеспособны? Там они столкнутся с войсками, с обстрелянными солдатами.

— Помощь, конечно, не та, что нужна, — согласился Подвойский. — Но отправить полк из столичного гарнизона... пока трудно на это решиться. Не исключено новое наступление на Петроград, силы здесь нужны.

— В Москве должна утвердиться наша власть. И как можно скорее. Подумайте, что можно сделать.

— Хорошо, Владимир Ильич. Попробуем послать сводный отряд, это легче, чем послать целиком воинскую часть.

И уже на следующий день в Москву был направлен отряд моряков. Проводить его на вокзал приехали Ленин, Свердлов и Подвойский.

— Не забывайте, товарищи, — напутствовал отъезжавших Владимир Ильич, — Москва — сердце России. И это сердце должно быть советским.

2

Комитет по военным и морским делам оказался без аппарата. Ленин посоветовал на первое время использовать служащих военного министерства Временного правительства.

Вскоре состав Комитета Наркомвоена претерпел изменения. Крыленко был назначен Верховным Главнокомандующим, Антонова-Овсеенко поставили во главе войск, действовавших против контрреволюции на Юге, Дыбенко занимался флотом. Членами коллегии Наркомвоена стали Легран, Мехоношин, Склянский. Вместе с ними Подвойский налаживал работу военного аппарата. Он занимал кабинет, принадлежавший ранее военному министру. В многочисленных шкафах, стоявших вдоль стен, размещалась богатейшая библиотека по военным вопросам и военной истории. Несмотря на большую загруженность, Николай Ильич брал нужную книгу, читал, делал выписки. Порой в кабинете всю ночь горел свет, казалось, Подвойский вообще не спит. Но окружающие всегда видели его подтянутым, жизнерадостным.

В конце декабря пришла весть: солдаты на всех фронтах самовольно оставляли позиции, открывали фронт. Германское правительство не отвечало на предложение Советов о заключении мира. Возникла угроза существованию еще не окрепшей Советской власти. Наркомвоен срочно созвал совещание. Прибыл Ленин. Решено было направить на фронт отряды Красной гвардии из Петрограда и Москвы и начать формирование новых корпусов из рабочих. Для их обучения надлежало вызвать с фронта военных специалистов.

На совещании между Лениным и Подвойским произошел такой разговор:

— Владимир Ильич, надо бы от имени Совета Народных Комиссаров выпустить манифест о создании социалистической армии. Решение Совнаркома обяжет...

— Нет и нет,— категорически заявил Владимир

Ильич.— Сначала пусть Петроградский и другие Советы определяют свое отношение к вопросу о создании армии. Вопрос этот совершенно новый, тут одного приказа и энтузиазма мало. Пусть это будет требованием масс.

Подвойский понял, что Совнарком не против создания новой армии, но не может через голову местных Советов решить этот вопрос в приказном порядке. Армия будет народная, и создавать ее должен народ.

Николай Ильич встретился с членами Петроградского Совета. В беседе с ними сказал:

— Для защиты революции нужна армия, регулярная армия. Красногвардейские отряды должны стать основой ее. Надо призвать рабочих Петрограда показать пример в строительстве новой армии.

В конце декабря 1917 года состоялся пленум Петроградского Совета. Пленум обратился с призывом к рабочим вступать в ряды новой армии. Советы других городов, как и в Питере, живо откликнулись на этот призыв. Все понимали, что победившая революция нуждалась в вооруженной защите.

Для Подвойского и других работников Наркомвоена настала пора напряженнейшей работы. Демобилизация старой армии, вопросы строительства новой армии, вооруженная борьба с многочисленными врагами революции — эти и другие проблемы нужно было решать безотлагательно. В этом постоянную помощь военным работникам оказывали Ленин, Центральный Комитет партии.

Как-то Подвойский зашел в рабочую комнату Ленина в Смольном. Владимир Ильич беседовал с незнакомым Подвойскому высоким человеком лет тридцати. Увидев вошедшего, Ленин объяснил собеседнику:

— Товарищ Подвойский, наш военный специалист. А это товарищ Платтен, который вывез нас из Швейцарии.

Платтена заинтересовало, как строится социалистическая армия. Подвойский стал рассказывать. Потом, посмотрев на часы, сказал, обращаясь к Владимиру Ильичу:

— Сегодня мы провожаем на фронт первый батальон Красной Армии. Рабочие Выборгского района просили вас непременно приехать.

— Что же вы сразу об этом не сказали? Обязательно поедем. Товарищ Платтен, посмотрите на солдат новой революционной армии.

В кабинет вошла Мария Ильинична. Узнав о поездке, она собралась вместе с ними.

По дороге Подвойский рассказал о заседании Петроградского Совета, о его решении создавать новую армию. Владимир Ильич поинтересовался:

— А как встретили рабочие Петрограда решение своего Совета?

— Как и подобает питерским рабочим, Владимир Ильич: уже на следующий день они начали переформирование отрядов Красной гвардии в батальоны Красной Армии.

Михайловский манеж. Здесь собрались рабочие, уходящие на фронт, а также провожающие. Колыхающееся пламя факелов освещало огромное помещение, ряды броневиков. В здании было холодно, и, чтобы согреться, люди плясали, притопывали ногами. Не умолкали революционные песни.

Появление Ленина было встречено бурей аплодисментов, восторженными возгласами. И вот он на трибуне:

— Товарищи, я приветствую в вашем лице решимость русского пролетариата бороться за торже-

ство русской революции, за торжество великих ее лозунгов не только на нашей земле, но и среди народов всего мира. Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть...

Через несколько дней состоялось совещание военных делегатов III съезда Советов. Рассмотрели проект декрета об организации Красной Армии и одобрили его. Ленин представил этот проект на обсуждение СНК.

Пока собирались наркомы, Владимир Ильич, увидев Подвойского, спросил его:

— Вы готовы доложить Совнаркому о том, как происходит организация Красной Армии? Дальше откладывать нельзя. Расскажите, что сделано, а я выступлю по проекту декрета.

Заседание Совнаркома уже подходило к концу, когда Ленин, обращаясь к присутствующим, сказал:

— У нас есть еще один вопрос. Мы посоветовались с товарищем Подвойским и решили его вынести на ваше рассмотрение. Я имею в виду декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Николай Ильич рассказал о том, что уже практически сделано по созданию Красной Армии, и зачитал проект декрета. Ленин внес предложение не развешивать общих прений, так как создание Красной Армии — свершившийся факт.

Тут же, вспоминая потом Подвойский, Владимир Ильич пункт за пунктом разобрал декрет об организации Красной Армии, внес поправки и дополнения. Он дал новую редакцию первого параграфа. В проекте говорилось: «Красная Армия создается без принуждения и насилия — она составляется только из

добровольцев». Ленин написал: «Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс». Таким образом подчеркивался классовый характер армии.

Декрет был утвержден в ленинской редакции. Рядом с подписью Председателя СНК Ленина под декретом поставил свою подпись и нарком по военным делам Подвойский.

Всю практическую работу по строительству Вооруженных Сил Советской Республики возглавила Всероссийская коллегия по организации и формированию армии. В ее состав вошли Крыленко, Мехоношин, Трифонов, Юренев. Председателем коллегии стал Подвойский.

А потом ВЦИК утвердил декрет о введении в стране всеобщего военного обучения (Всевобуча). Устанавливалась девяностошестичасовая программа, рассчитанная на восемь недель. Был принят декрет, определявший срок службы в Красной Армии, утверждена форма военной присяги.

Для новой армии требовались командиры. Подвойский подписал приказ об открытии тринадцати ускоренных курсов по подготовке командного состава в Петрограде, Москве, Твери, Казани, других крупных городах. Курсы должны были готовить командные кадры пехотных, кавалерийских, артиллерийских и инженерных частей. Наряду с этим в Красную Армию привлекались военные специалисты старой армии. Как известно, многие красные командиры, прославившиеся в годы гражданской войны, выдвинулись из унтер-офицеров, младших офицеров прежней армии.

Подвойский умел находить и выдвигать на ответственные посты талантливых военных работников.

Вскоре после победы Октября в Военном отделе ВЦИК начал работать в должности инструктора Михаил Николаевич Тухачевский. Бывший поручик, он не колеблясь встал на сторону народа, вступил в Коммунистическую партию. Подвойский разглядел в этом честном человеке волевого, решительного, инициативного военачальника. С такой оценкой будущего Маршала Советского Союза были согласны Свердлов и Дзержинский. Михаил Николаевич командовал I, VIII, V армиями, а в 1920 году — Кавказским и Западным фронтами.

По предложению Подвойского при Наркомвоенне была организована Высшая аттестационная комиссия. Николай Ильич рекомендовал ее председателем Александра Ильича Егорова. И не ошибся. Позднее Егоров успешно командовал IX и X армиями, Южным и Юго-Западным фронтами, стал Маршалом Советского Союза.

Однажды в беседе с Подвойским Ленин затронул вопрос о подготовке высших военных кадров и поручил ему, а также Никонову и Вацетису создать Академию Генерального штаба. Как обычно, значительную долю работы взял на себя Подвойский. Он постоянно сообщал Владимиру Ильичу, кого из специалистов привлекает к составлению будущих программ, информировал о трудностях в организации академии.

Открытие академии состоялось в декабре 1918 года. Здесь Николай Ильич стал читать лекции по революционной тактике.

3

Германские войска, несмотря на подписание Брестского мира, продолжали наступление. Отряды Киквидзе, Котовского, Примакова, Медведовского, Яки-

ра оказывали оккупантам героическое сопротивление, но, уступая врагу в численности и вооружении, при отсутствии общего командования не могли сдерживать натиска. Им на помощь шли первые подразделения Красной Армии...

Возникла необходимость создать особую комиссию, которая взяла бы на себя проверку работы военных комиссариатов на местах. Эту комиссию назвали Высшей военной инспекцией. Председателем ее назначили Подвойского.

На первом же заседании он объяснил товарищам, какие цели преследует новая организация.

— Мы привыкли, — сказал он, — считать инспекцию органом, который проверяет работу уже сложившихся и работающих учреждений. Там, где имеются военные комиссариаты, мы должны это делать. Но со времени принятия декрета о создании системы военного управления прошло немногим более двух недель. И эта работа только начинается. Помочь в организации военных комиссариатов — наша прямая обязанность. Нам нужна армия Советской Республики, хорошо организованная, строго дисциплинированная.

Первый выезд военной инспекции во фронтовые районы. Поезд отошел от Курского вокзала. Вместе с Подвойским в группе находились Н. Ефимов, С. Баландин, Ф. Владимиров, И. Приходько и другие.

Уже на первой остановке, в Орле, обнаружилась довольно безотрадная картина. Военных комиссариатов не существовало. Правда, при каждом районном Совете были военные отделы, но действовали они кому как придется. Учет и снабжение совершенно отсутствовали. Такое же положение было в Курске. Сопоставляя факты и примеры, Николай Ильич пришел к выводу, что все вскрытые недостатки обуслов-

лены отсутствием единого руководства, нехваткой опытных работников.

Следующая остановка в Тамбове. Здесь расположились подразделения отряда Василия Киквидзе. Работники Высшей военной инспекции познакомились с их строевой и боевой подготовкой.

Подвойский доволен. Двадцатитрехлетний командир Киквидзе едва не пустился в пляс, когда услышал, что на базе его отряда будет создана дивизия Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Не менее восторженно восприняли эту весть бойцы. С особой тщательностью готовились они к торжественному параду и приему присяги — им первым выпала такая честь.

Утром перед строем бойцов появился Подвойский. Киквидзе отдал рапорт. Наркомвоен поблагодарил бойцов за высокую боевую подготовку и рассказал о тяжелом положении Страны Советов.

— Сегодня,— говорил Подвойский,— вы даете торжественное обещание, принимаете присягу на верность Советской Республике.— Это — государственный акт громадной важности. Принимая присягу, вы тем самым обещаете выполнить любой приказ Родины, а если понадобится, отдать самое дорогое — свою жизнь. Кто не выполнит торжественного обещания — тот изменник, и Республика его покарает.

Окинул суровым взглядом строй бойцов и продолжал:

— Сейчас я буду читать слова торжественного обещания, и каждый из вас повторит их за мной.— Он снял фуражку. Взяли головные уборы на левую руку и стоявшие в строю командиры, солдаты. Медленно и необычно возвышенно Подвойский читал слова присяги. Вместе с ним ее повторяли тысячи голосов.

А когда чтение было закончено, Подвойский поздравил всех присутствующих с высокочтожеством днём и сказал:

— Теперь вы бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В тот же час он телеграфировал Ленину: «В субботу, 18-го утром, на смотре войск Тамбовского гарнизона и во время полевого учения я имел возможность оценить организаторский талант бывшего командующего IV армией, несомненно большого организатора... т. Киквидзе, представившего вновь сформированный им полк пехоты, легкую батарею, пулеметную команду и эскадрон кавалерии, поразившие военных специалистов мужественным видом, хорошей подготовкой, налаженностью обучения и обещающие развиться в грозную мощную воинскую единицу... Солдаты поклялись победить или умереть».

4

Известие о мятеже чехословацкого корпуса Подвойский получил в Самаре утром 27 мая. Ему вспомнились слова Ленина о нависшей опасности: организованный на англо-французские деньги мятеж преследовал цель свергнуть Советскую власть. Подвойский принял решение ускорить формирование частей Красной Армии в поволжских и уральских городах. По прибытии в Уфу он встретился с одним из местных военных работников — Эразмом Кадомцевым. Тот сообщил, что в губернии созданы вооруженные рабочие дружины, организованы инструкторские школы, готовившие командиров. Слушая Кадомцева, Николай Ильич отметил для себя: уфимские товарищи не спешили переформировать дружины в регулярные части Красной Армии.

— Противник располагает значительными силами,— говорил Кадомцев,— мы же уступаем ему, но рабочие дружинники не пожалеют сил в борьбе с мятежниками.

— Товарищ Кадомцев,— перебил его Подвойский.— Сразу видно, что в Уфе еще не развернули всерьез работу по строительству регулярной армии. Слова «дружина», «дружинники» необходимо сдать в архив. Нам нужны регулярные части. Что же касается денежных средств на их формирование — постараемся помочь.

Прибыв в район боевых действий у Златоуста и Миасса, Подвойский и члены инспекции убедились в том, что сильные революционным духом красные бойцы были слабо подготовлены в военном отношении и не могли успешно действовать против регулярных белочешских частей. Во время боя у станции Миасс в отрядах началась паника. Подвойский, Берзин, Белицкий быстро навели порядок, проявив при этом личное мужество.

При содействии инспекции был создан Северо-Урало-Сибирский фронт, объединивший все части, действовавшие против мятежников и белогвардейцев. Его командующим стал Берзин, член партии с 1905 года. По указанию Подвойского в составе управления фронта образовали политотдел — один из первых в Красной Армии.

5

В Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов. Он проходил в напряженной обстановке. Один за другим в стране раскрывались заговоры. Левые эсеры открыто перешли на сторону контрреволюции, подняли мятеж.

Сигналом для их выступления послужило убийство германского посла. Мятежники захватили телеграф и разослали по всей стране телеграммы, в которых сообщалось, что партия левых эсеров взяла власть, требовали не исполнять распоряжений за подписью Ленина и Свердлова.

Только что вернувшийся из инспекционной поездки Подвойский был вызван в Кремль. В кабинете застал Ленина и Свердлова.

— На вас мы решили возложить командование частями, которым предстоит подавить мятеж. Свяжитесь с командиром Латышской дивизии Вацетисом.

Владимир Ильич внешне спокоен, лишь выделялись углубившиеся складки у рта и бледнее обычного было лицо.

— Помните, — предупредил он, — медлить нельзя. Мятеж должен быть подавлен ночью или в крайнем случае завтра утром. По нашим сведениям, такие же мятежи произошли на Волге. Нити тянутся отсюда, из Москвы. Действуйте быстро, решительно.

Вечером части латышских стрелков стали теснить мятежников, выбили их с телеграфа. В руках левых эсеров осталось несколько зданий, в которых они укрепились. Подвойский и Вацетис находились в расположении отрядов, оцепивших захваченные здания. Ночью, еще раз объехав войсковые части, они доложили Ленину о принятых мерах.

Рано утром после артиллерийских залпов по гнездам мятежников латышские стрелки пошли в атаку. Их натиск был настолько стремителен, пулеметный огонь так меток, что в окнах стали появляться белые флаги. Мятеж был подавлен. Докладывая об этом Владимиру Ильичу, Подвойский отметил исключительное мужество латышских стрелков, а также от-

ряда интернационалистов под командованием Бела Куна.

Работа съезда Советов возобновилась. В состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, избранного съездом, вошел и Подвойский.

6

Через несколько дней после подавления эсеровского мятежа Николай Ильич заболел. К болезни прибавилась тревога за жену. Нина Августовна уехала с эшелонам: повезли голодающих детей рабочих в сытные восточные края. Взяла с собой и своих девочек Олесю, Лиду и маленькую Нину. В Уфимской губернии она занималась устройством трудовой детской колонии. И вдруг ворвались белочехи. Почти все сотрудники колонии арестованы карателями, находятся в уфимской тюрьме. Жену наркома вряд ли пощадят.

Едва поправившись, Подвойский выехал с поездом Высшей военной инспекции, так и не выяснив ничего о судьбе жены и детей.

А тем временем Свердлов, узнав, в каком положении оказалась семья Николая Ильича, направил к уфимским подпольщикам снабженного явками надежного товарища. Уфимским большевикам удалось освободить арестованных и переправить за линию фронта. Об этом Подвойский узнал от жены, когда на одной из станций, удивленный и обрадованный, увидел ее вместе с детьми.

Два дня инспекция провела в Орле и Курске. По сравнению с апрелем положение здесь изменилось к лучшему. Налаживалась работа военных органов, революционный порядок все прочнее входил в жизнь.

В Воронеже военный руководитель Чернавин до-

ложил Подвойскому о положении на фронте. Николай Ильич интересовался, как идет формирование частей, предназначенных для отправки на Восток против белочехов. Чернавин сказал, что на вокзале уже стоят эшелоны бригады Азарха, направляются на Восточный фронт.

Пошли туда. Дисциплина и опрятность одежды бойцов — вот что бросилось в глаза прежде всего. Это была уже армия, новая революционная армия.

Из Воронежа члены инспекции выехали на станцию Филоново, где располагался штаб дивизии Киквидзе. Позиции, занимаемые дивизией, напоминали подкову, в центре которой была сама станция. Здесь же в железнодорожных вагонах находилась база снабжения дивизии. Порывистый Киквидзе с гордостью заявил, что при отступлении с Украины ему удалось взять большие запасы военного снаряжения и продовольствия.

— Сколько же вагонов занято под подвижную базу дивизии? — спросил Николай Ильич.

Стоявший рядом с командиром начальник штаба назвал цифру — 180.

Оказалось, дивизия, действительно, располагает большими запасами пулеметов, винтовок, патронов, инженерного и интендантского имущества. И это в то время, когда другие отряды и части испытывают острый недостаток в боевом снаряжении. Киквидзе ожидал похвалы наркома за свою рачительность, а тот рассердился.

— Преступники вы, — объявил Подвойский.

Киквидзе был обескуражен.

— Не понял, товарищ нарком.

— Да, да, преступники! Думаете о себе, когда следует думать о всей армии.

— Но, товарищ нарком...

— Все лишнее сдать,— приказал Подвойский, не желая выслушивать объяснений Киквидзе.— Если каждый командир будет копить у себя снаряжение, многие части останутся без оружия. Грош цена тогда будет вашим подвигам. Воюет армия, а не отдельные отряды.— Повторил строго:— Все лишнее немедленно сдать. Пришлю представителя инспекции.

Что может быть на фронте лишнее? Все сгодится. Но молодой командир, чувствуя настроение Подвойского, возражать не решился. Да и как возражать? Базисные эшелоны, действительно, связывали действующие части, а при отступлении нередко попадали в руки врага.

Подвойский писал в приказе: «Снять снабжение отрядов с колес. Неподчинившиеся будут преданы суду...» Все поезда должны быть выведены в Тамбов, где создавались склады Южного фронта.

Чтобы положить конец царившей неразберихе, Высшая военная инспекция организовала управление по снабжению как фронта, так и отдельных боевых участков.

Объезд позиций убедил Подвойского: положение на линии Поворино — Царицын скверное. Красноармейские отряды действовали самостоятельно, без разведки. На сравнительно небольшом участке он насчитал больше двадцати отрядов, в каждом — от сорока до двухсот бойцов. Отряды вели бои, стараясь держаться поближе к своей базе. Николай Ильич сокрушался: воевать и побеждать в таких условиях чрезвычайно трудно. Несколько дней заняло формирование из этих отрядов рот, батальонов, полков. Действовал Подвойский решительно. Подчинил части единому командованию. Военным руководителем боевого участка, на котором располагались части Сиверса и Миронова, назначил Левицкого; приказал коман-

дирам беспрекословно, точно и незамедлительно исполнять все его требования.

Характерная деталь: Николай Ильич всегда возил с собой книги по интересующим его военным вопросам, часто обращался к ним. Он хорошо знал уставы русской армии и по памяти цитировал их. Как-то один из военных специалистов спросил его помощника Владимирова: правда ли, как идет слух, что Подвойский — бывший полковник старой армии? Когда Владимиров сообщил, что Николай Ильич никогда не был военным, тот в недоумении развел руками.

Сам же Подвойский на подобные вопросы отвечал так:

— Военным меня сделала партия, а военному делу и пролетарской военной науке я учусь у Владимира Ильича Ленина.

7

31 августа начался обычный напряженный день. Подвойский сидел у стола, склонившись над картой, когда в вагон вошел бледный, взволнованный Владимиров. Николай Ильич вопросительно посмотрел на него.

— В Москве на заводе Михельсона тяжело ранен Ленин, — дрожащим голосом сказал Владимиров и протянул полученную телеграмму.

Страшная боль сдавила сердце...

Несколько позже в войсках читали обращение, написанное Подвойским: «Армия, слушай! В день и час, когда вы дали рабоче-крестьянскому люду, его Великой социалистической Республике блестящую победу, ваши враги совершили злодейское покушение на самого дорогого и любимого человека в Республике, на Председателя Совета Народных Комиссаров

товарища Ленина... Я от вашего имени, от имени войск Южного фронта послал тов. Ленину следующую телеграмму: «Родной наш вождь! Все войска Южного фронта до нестерпимой боли поражены злодейством, совершенным над Вами подлыми наймитами».

Теперь каждый день — томящее душу ожидание вестей из Москвы...

А дела захлестывали, успехи на отдельных участках фронта перемежались с отступлениями, на других требовалось вмешательство, помощь в снабжении боеприпасами, пополнении свежими силами уставших и поредевших частей.

В один из дней небольшой группой выехали на передовые позиции. Состав поезда: паровоз, вагон и платформа, на которой стоял автомобиль. Подвойский часто ездил так. В нужном месте автомобиль скатывали с платформы, и на нем объезжали позиции.

Двигались от Елани в сторону Камышина. День был солнечный, теплый, в вагоне душно, и Николай Ильич перешел с работником инспекции Георгием Базилевичем на платформу. Отъехали от Елани всего несколько километров, когда из-под паровоза вырвалось облако огня и дыма. От резкого толчка Подвойский, Базилевич и все находившиеся на платформе были выброшены далеко под откос.

Николай Ильич потерял сознание. Очнулся, чувствуя, как кто-то брызгает в лицо водой. Над ним стоял комендант поезда Приходько. Увидев, что Подвойский открыл глаза, он радостно воскликнул:

— Николай Ильич, живы!

Рядом на траве лежал Базилевич.

— Что с Георгием Дмитриевичем, как остальные?

— Все живы, только вот товарищ Базилевич... еще без сознания. Как вы-то себя чувствуете?

— Будто все цело... Болит голова и ноги. Что хоть произошло?

— Сами пока не знаем,— сказал Приходько.— Похоже на диверсию.

Прибыла санитарная летучка. Раненым сделали перевязку. Летучка направилась в Елань, где находился санитарный поезд. Врач, осмотревший Подвойского, нашел сильную контузию головы, ушибы в области правой лопатки и подреберья, ссадины на теле и скрытый перелом голени. «Этого мне еще не хватало»,— горько подумал Николай Ильич. Он и так чувствовал последствия ранения в Ярославле, головные боли часто мучили его.

Выехать на лечение в Москву Николай Ильич категорически отказался. И опять за ним ухаживала Нина Августовна.

В посетителях недостатка не было. Ненадолго, но каждый день приходили Василий Киквидзе и комбриг Рудольф Сиверс... Разве поверил бы тогда, что через несколько месяцев белогвардейские пули сразят этих отчаянной храбрости командиров?

Но вот общее самочувствие улучшилось, и Подвойский опять целыми днями работал. Выздоровливающий Базилевич также стремился скорее вернуться на фронт. Николай Ильич высоко ценил его и отзывался о нем как о талантливом военачальнике, большом патриоте своей Родины.

В сентябре в распоряжение Подвойского прибыли курсанты Первых Московских военно-инструкторских курсов. Николай Ильич радовался: созданные недавно курсы уже стали давать пополнение фронту. Чуйков — будущий Маршал Советского Союза — вспоминал, что когда их эшелон остановился на запасных путях, Николай Ильич пригласил курсантов к себе, долго и тепло с ними беседовал.

— Направляем вас в бригаду Сиверса. К боевому командиру, — сказал он при прощании. — Надеюсь, не посрамите чести красных курсантов.

В конце сентября Николай Ильич возвратился в Москву. Встретился со Свердловым и подробно доложил о проделанной инспекцией работе. Потом, смущаясь, сказал:

— Яков Михайлович, очень и очень вам благодарен за освобождение жены...

— Благодарите уфимских товарищей. Это они все сделали. Я тут ни при чем. — Свердлов улыбнулся. — А мы с вами будем получать благодарности, когда побьем всю нечисть, мешающую Советской власти.

Осень 1918 года была трудным временем для молодого Советского государства. В начале октября Ленин поручает Подвойскому постоянно информировать его о ходе строительства Красной Армии. Николай Ильич послал ему доклад о состоянии вооруженных сил Республики и задачах Высшей военной инспекции, а также информацию об организации Академии Генерального штаба.

Обобщая уже имеющийся опыт, Подвойский совместно с руководящими политработниками Красной Армии разработал план дальнейшего развития советского военного строительства — «Программу работ Коммунистической партии по созданию трехмиллионной армии». Программа включала экономические, политические, организационные мероприятия. Этот документ был направлен Ленину, по его содержанию Подвойский потом беседовал с Владимиром Ильичем.

Вплотную занимался Подвойский политическим воспитанием бойцов Красной Армии. По совету Ленина он подготовил «Книжку красноармейца». Ее выдавали каждому красноармейцу при поступлении на службу. В популярной форме в ней раскрывалась по-

литика Коммунистической партии и Советской власти, определялись права и обязанности красноармейца. Приводился текст присяги, утвержденной ВЦИК в апреле 1918 года. Книжку одобрили Ленин и Свердлов.

30 октября 1918 года. Подвойский направляет Ленину сводку о культурно-просветительной работе в частях Московского военного округа. Прочитав ее, Владимир Ильич вызвал Подвойского и долго беседовал с ним о постановке этой работы в Красной Армии.

1918-й... Всюду фронт. Но Советская Республика сражалась, Красная Армия успешно громила многочисленного и хорошо вооруженного врага. Именно в это трудное время раскрылся крупный военно-организаторский талант Подвойского, выдвинувший его в число видных строителей наших Вооруженных Сил.

Формируя многочисленные части Красной Армии, Подвойский поднимал революционную дисциплину, прививал основные знания военного дела воинам армии, учил их искусству побеждать врага, выковывал героический дух и самоотверженность в выполнении воинского долга. Особое внимание он обращал на организацию партийно-политической работы в войсках. Знал не только многих командиров и политработников, но и рядовых красноармейцев.

В свою очередь имя и дела Подвойского стали хорошо известны всей армии. Много раз в решающую минуту Николай Ильич шел впереди красных бойцов. Так было в бою под Миассом и на Южном фронте. «Его личная храбрость и необычайная находчивость в значительной степени содействовали тому подъему красноармейских частей, который особенно проявился в последних боях», — писала о Подвойском газета «Известия» в сентябре 1918 года.

На защите завоеваний Октября

1

Утром 30 января 1919 года Николай Ильич прочитал в «Правде» радиogramму, сообщавшую о составе Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. В ней говорилось, что он назначен наркомом по военным делам. Сообщение удивило Подвойского. В этот день было заседание Совнаркома, он хотел переговорить с Лениным, но Владимир Ильич пришел к самому началу заседания. Тогда, достав листок бумаги, написал: «Владимир Ильич! Я сегодня прочитал в «Правде» «Всем, всем, всем...» объявляется, что некий Подвойский вместе с неким Межлауком назначены наркомвоен Украины. По нескромности предполагаю, что радио имеет в виду меня. Может быть, Вы удовлетворите мое естественное любопытство?»

Через несколько минут он получил ответ: «Видимо, Вас. Я знаю только, что Вас *просили*. Справьтесь у Свердлова».

Николай Ильич не удержался и на обороте записки написал: «Я знаю тоже, что просили меня — и Пятаков и Раковский. Но я сказал обоим, что я член Коммунистической партии и мною распоряжается ЦК. Но мне неизвестно постановление ЦК о командировании меня на Украину. Вы полагаете, что я должен ехать на Украину? Если да, то на короткое время, или для длительной работы? Может быть, Вы разрешите переговорить мне не только с т. Сверд-

ловым, но и с Вами, и в положительном случае,— когда могу с Вами переговорить?»

Он видел, как Владимир Ильич, получив его записку, быстро набросал ответ. «Со мной бесполезно,— прочел Подвойский,— ибо я не знаю. Свердлов даст справку, *было* (решение) или *еще нет*»¹.

После заседания Николай Ильич обратился к Свердлову. Тот подтвердил:

— Да, такое назначение состоялось, и вам нужно выезжать в Харьков. ЦК партии принял решение выделить в помощь Украине и другим республикам военных и партийных работников. Надо им помочь в организации военного аппарата и Вооруженных Сил.

Политическая обстановка на Украине в то время была исключительно напряженной. Войска Украинского фронта под командованием Антонова-Овсеенко вели упорные бои с частями белогвардейцев и буржуазных националистов. На юге Украины хозяйничали интервенты. Советская власть установилась только в части Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Черниговской губерний. Рабочий класс — опора Советской власти — составлял сплоченную и заметную группу населения в Донбассе, Харькове, Екатеринославе, Киеве и Одессе. Кулачество и зажиточные слои крестьянства всячески противились постановлениям Советской власти, особенно продрозверстке. Кулаки сумели повести за собой и часть середняков. Антисоветские силы имели немало оружия, которое осталось от старой армии. Они получали его и от интервентов.

В этом и заключалась причина политического бандитизма и кулацко-националистических мятежей, захвативших Украину весной и летом 1919 года и по-

¹ Ленинский сборник XXXVIII, с. 239, 240; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975, т. 6, с. 483.

родивших Махно, Григорьева, Зеленого, Ангела, Струка и других бандитских атаманов.

Подвойский выехал в Харьков, где находилось тогда правительство Украины. Вместе с ним прибыли около трехсот военных работников.

Формирование регулярной Красной Армии на Украине только еще начиналось. В марте — апреле по приказу Николая Ильича организовались Киевский, Харьковский и Одесский военные округа, они объединяли губернские, уездные и волостные военкоматы. По опыту РСФСР сразу же была создана Высшая военная инспекция Украины во главе с Юдовским.

Напутствуя его на этот пост, Николай Ильич сказал:

— Владимир Григорьевич! Помните, какие трудности нам пришлось преодолеть на первых порах деятельности Высшей военной инспекции. Теперь мы накопили большой опыт, и его, с учетом особенностей Украины, нужно использовать. Нам как бы придется вернуться в 1918 год.. В чем главная трудность? Живуча еще в частях партизанщина — в худшем смысле этого слова. Нам нужно решительно бороться с этой болезнью, утверждать порядок и сознательную дисциплину, без чего нельзя отстоять завоевания революции.

Программой строительства армии нового типа стали для Украины, как и для всей страны, решения VIII съезда РКП(б). Вскоре после съезда собрался пленум ЦК КП(б)У. С докладами о военной политике на пленуме выступили Антонов-Овсеенко и Подвойский.

В короткий срок были организованы основные отделы Наркомвоена: политуправление, снабжения, артиллерийское и военно-санитарное управления.

Главные усилия Николай Ильич и его сотрудники направляли на создание и укрепление военных комиссариатов. От них зависело успешное проведение мобилизации и формирование резервных полков.

По личному опыту Подвойский знал, как много зависит от четкой работы аппарата Наркомвоена и его штаба, во главе которого стоял Соковнин. Его он ценил за исключительную добросовестность и исполнительность. Большой вклад в работу штаба вносил первый помощник начальника штаба Шапошников. Документы, которые он готовил, всегда тщательно отрабатывались, а к его предложениям все прислушивались, ибо они были продуманными и аргументированными.

Политуправление тогда возглавил Бодров. Подвойский хорошо знал его еще по Петрограду как энергичного, инициативного, принципиального коммуниста. Работе политуправления Николай Ильич уделял особое внимание. Определяя роль партийных организаций в повышении боеспособности частей Красной Армии, он говорил Бодрову:

— Не уставайте напоминать политработникам: часть, в которой имеется энергичная и сильная партийная ячейка, способна совершать чудеса храбрости, стойкости и выносливости.

Политработу в частях Красной Армии на Украине возглавляли и направляли большевики-ленинцы Гамарник, Голубенко, Затонский, Коцюбинский, Картелишвили.

Весной 1919 года, когда нависла угроза со стороны войск Деникина, Ленин неоднократно обращал внимание Антонова-Овсеенко и Подвойского на необходимость оказания помощи Южному фронту в освобождении Донбасса и Ростова. В телеграмме на их имя Владимир Ильич указывал: «Украина обязана

признать Донбассфронт безусловно важнейшим украинским фронтом...»¹ В ленинском письме председателю СНК Украины говорилось: «...еще раз напоминаю важнейшие две задачи: прорыв через Буковину и взятие Ростова. Надо все силы посвятить этим двум задачам — подтвердите Подвойскому и Антонову»².

Ленин требовал проведения немедленной и поголовной мобилизации рабочих и направления их на Южный фронт. Но Подвойский и Антонов-Овсеенко не проявили необходимой настойчивости в решении этой задачи. За это Владимир Ильич их резко критиковал.

Говоря о прорыве через Буковину, Ленин имел в виду установление прочной связи с Советской Венгрией. План этого прорыва Подвойский разрабатывал вместе с венгерским коммунистом Тибором Самуэли.

Наркомвоен Украины уделял большое внимание формированию интернациональных частей. Плечом к плечу с русскими и украинцами в боях за освобождение украинской земли сражались интернационалисты из Германии, Венгрии, Югославии, Румынии и других стран. Венгр Л. Гавро по поручению Подвойского сформировал интернациональный полк и успешно им командовал. Об этом свидетельствуют два ордена Красного Знамени, которыми Гавро был награжден. Неоднократно отличились в боях командир интернациональной бригады Славояр Частек и комиссар, румынский коммунист Левеску.

В боях против белогвардейцев, петлюровцев, бандитских атаманов отличились тысячи бойцов, коман-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 286.

² Там же, с. 283.

дилов и политработников. Слава о подвигах Котовского, Квятека, Полупанова, Шмидта и многих других гремела по всему фронту. Подвойский придерживался правила: всегда отмечать отличившихся. В конце марта 1919 года, отступая через реку Тетерев, петлюровцы пытались взорвать мост и задержать наши части. Тогда командир Богунского полка Квятек с группой красноармейцев ворвался на мост под огнем противника и перерезал бикфордов шнур. Воодушевленные примером своего командира, красноармейцы бросились вперед и захватили большие трофеи. В приказе Подвойский писал: «...объявляю благодарность храбрецу-герою, красному командиру Квятеку и разделившим с ним славный подвиг красноармейцам и тем полкам, которые рождают таких верных сынов рабоче-крестьянского социалистического Отечества...»

Полки, бригады и дивизии вели в бой бесстрашные командиры, любимцы бойцов, такие, как Щорс, Примаков, Княгницкий, Пархоменко, Федько, Якир, Лукомский, Саблин, Демичев, Григорьев, Криворучко, Крапивянский. Их ратный труд и воинская доблесть была неоднократно отмечена орденами Красного Знамени. Несмотря на сложность боевой обстановки, многие из них направлялись на учебу в академию и со временем выросли в крупных военачальников.

...Отозванный с фронта Дыбенко остановился в киевской гостинице «Континенталь». Вечером к нему пришел Николай Ильич. Дыбенко недоумевал, зачем спешно вызван в Киев. Подвойский, улыбочиво приглядываясь к нему, — все-таки давно не виделись — сообщил:

— Подобраны командиры для учебы в Академии Генерального штаба. В том числе и вы, Павел Ефимович.

Дыбенко стал убеждать Николая Ильича: в такое горячее время не может он отправляться с фронта в тыл.

— Стыдно будет смотреть в глаза боевым товарищам,— привел он, как ему казалось, веский довод.

— Ну, на вас войны еще хватит, а боевые друзья поймут,— успокаивал Николай Ильич расстроенного командира.— Без военачальников высокой квалификации нам не обойтись. Вы же сами видите, полупартизанские разрозненные отряды мы сводим в крупные соединения. Сможет ли неподготовленный командир управлять крупным соединением?

Павел Ефимович стал потом крупным военачальником. Он закончил академию, командовал войсками Среднеазиатского, Приволжского и Ленинградского военных округов. На груди командарма второго ранга было три ордена Красного Знамени.

Одно время в Наркомвоен начали поступать сведения о том, что в некоторых частях в ответ на расправы, учиняемые противником над красноармейцами, расстреливали пленных. В марте, будучи на позициях, Николай Ильич беседовал с группой перебежчиков. Они сказали ему:

— Многие мобилизованные Петлюрой перешли бы к вам, да опасаются.

— Чего же им бояться? Наши красноармейцы — ваши братья, такие же рабочие и крестьяне.

— Нам говорили, что красноармейцы не дают пощады и взятых в плен расстреливают. Если наши солдаты узнают, что им не угрожает расстрел, они будут переходить на вашу сторону.

Подвойский немедленно издал приказ. В нем он отмечал, что, борясь с врагами, мы имеем против себя не только контрреволюционеров, но сплошь и рядом бедняков из крестьян, рабочих, которых Петлюра и

белогвардейцы мобилизовали насильно. «Приказываю,— писал он,— расстрелы пленных прекратить немедленно. Красная Армия не может, не должна и не смеет убивать тех, кого она словом и верой может превратить в союзников, братьев». Николай Ильич требовал разъяснить красноармейцам значение приказа; авиационным отрядам разбросать листовки с приказом на территории противника.

Трудящиеся Украины хорошо знали Подвойского. Рабочие Киева, Харькова, Одессы, Николаева, крестьяне многих районов часто слышали пламенные речи Николая Ильича. Его постоянно видели бойцы и командиры на передовых позициях. Когда в начале июля 1919 года создалось угрожающее положение юго-западнее Киева, в районе станции Жмеринка, туда незамедлительно выехали Подвойский, Шиловский, Бабин. Вместе с ними отправился отряд курсантов пехотных курсов. Подвойский быстро привел в порядок отступающие части и лично, под огнем бронепоездов противника повел красных бойцов в бой. Противник был разбит. В донесении начальника штаба группы войск Шиловского подчеркивалось, что «успех операций по овладению Жмеринкой был достигнут благодаря исключительной энергии т. Подвойского, организовавшего наступление и принимавшего непосредственное личное участие в боевых действиях».

Летом 1919 года проводилась реорганизация украинских армий. Украинский фронт ликвидировали, а вновь созданные XII и XIV армии влились в состав Южного и Западного фронтов.

Вскоре на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) было принято решение о переводе Подвойского на работу в Главное управление военными учебными заведениями.

Октябрь 1919-го. Положение под Петроградом осложнилось: началось наступление войск Юденича. Принимаются все необходимые меры для защиты города. На помощь отовсюду идут подкрепления. ЦК партии усилил командование VII армии. Подвойский был направлен сюда как член Реввоенсовета. Одновременно он — уполномоченный Совета обороны.

Николай Ильич увидел Петроград оцетинившимся, готовым к схватке. Около мостов и на перекрестках строились баррикады, в окнах домов — пулеметные гнезда. С невиданной быстротой выполнялись сборонные заказы на заводах — Путиловском, Обуховском, Ижорском. Бронепоезда, ремонт которых обыкновенно требовал недель, возвращались в строй в течение часов. Подвойского поразило: Ижорский завод, где половина рабочих ушла в окопы, в десятки раз увеличил производительность! Рабочие, кажется, не обращали внимания на то, что противник уже в полутора верстах от завода, — не только снаряды, но и ружейные и пулеметные пули уже залетали сюда.

Многие тысячи петроградских рабочих взяли в руки оружие. Рвалась на фронт молодежь — на предприятиях юноши и девушки почти поголовно ушли на передовые позиции. В Городском районе Петрограда для охраны Петропавловской крепости был организован молодежный отряд.

Военные учреждения работали непрерывно. Штаб внутренней обороны Петрограда походил на улей. Изможденные бессонными ночами люди делали все возможное для обороны. Командовал VII армией Дмитрий Николаевич Надежный. Бывший генерал, он

честно служил Советской власти. Начальником внутренней обороны города был назначен Д. Авров. Сопратников Подвойского по боям под Петроградом в первые месяцы после революции осталось немного, большинство сражались на других фронтах. Только стрелковой дивизией командовал бывший работник Наркомвоена С. Одинцов, да комиссаром одной из частей был старый партийный товарищ Эйно Рахья.

Подвойский, по своему обыкновению, редко находился в штабе. Каждый день он бывал на фронте, линия которого проходила вблизи городских окраин.

Белогвардейцы рвались к городу. Им казалось, что еще одно усилие — и Петроград падет. Уверенность была настолько велика, что генерал Родзянко отказался от бинокля, когда ему предложили посмотреть на Петроград.

— Зачем? Завтра я буду гулять по Невскому, увижу город, — пренебрежительно сказал он.

Просчитался генерал. Красноармейцы и рабочие дрались за каждый клочок родной земли. Подвойский с восторгом отмечал подвиги курсантов. Был случай, когда отряд в пятьдесят курсантов пошел в атаку на лучший из юденичских полков — Талабский — и сбил его.

Упорные бои шли в районе южнее Ямбурга, где противник наносил основной удар. 2-я и 6-я стрелковые дивизии сдерживали натиск белогвардейцев, но противнику удалось прорвать фронт и выйти 2-й дивизии в тыл. Чтобы остановить продвижение врага, части соседней, 6-й дивизии несколько отошли и прикрыли побережье Финского залива и форт Красная Горка. И в это время начдив Ларичкин почему-то приказал отвести эти части в район

Лигово. Командир 2-й бригады 6-й дивизии А. Стороженко и комиссар С. Смирнов не знали, как поступить.

— Если мы выполним приказ,— сказал Смирнов,— то отдадим противнику не только побережье залива и форты, но и Петергоф и Ораниенбаум. Это значит самим открыть ворота в город. Выполнять этот приказ нельзя. Будем драться!

Стороженко поддержал комиссара. Три дня бригада героически сдерживала атаки противника, угрожая флангу белых. Но командира и комиссара вдруг вызвал приехавший в Ораниенбаум Троцкий. Вместе с ним были командующий Западным фронтом Гиттис, командарм Надежный, член РВС Подвойский. Николай Ильич хорошо знал Смирнова по Октябрю и дружески поздоровался с ним. Не так был настроен к комиссару Троцкий. Выслушав рапорт, он произнес, повысив голос:

— Почему вы не выполняете приказ начдива Ларичкина?

Смирнов попытался мотивировать действия бригады, но Троцкий даже не дослушал его, сказал председателю трибунала армии:

— Начинайте следствие по делу Смирнова. Тот, кто не выполняет приказов, должен быть предан суду трибунала и расстрелян.

Подвойский вспыхнул от гнева. Обращаясь к Троцкому, заявил:

— Смирнов вместе с комбригом и их бойцы заслужили не наказания, а награды. Своей стойкостью бригада помогла другим частям армии отбросить Юденича от города. К тому же начдив Ларичкин отстранен от командования за потерю управления дивизией и панические настроения. Как же можно наказывать за невыполнение его приказов?

Подвойского поддержал Надежный. Троцкий оскорбленно передернул плечами и молча покинул помещение штаба.

Армия Юденича была добита окончательно. Николай Ильич возвратился в Москву.

3

Подвойский еще в Петрограде узнал, что по предложению Ленина ему поручено взять на себя руководство военным обучением населения — Всевобучем. Более половины пополнений в Красную Армию проходили через эту организацию.

Со всей страстью и энергией взялся Николай Ильич за работу. Одновременно он стал начальником частей особого назначения (ЧОН), предназначенных для борьбы с контрреволюцией. Они формировались из коммунистов и комсомольцев.

Но вот (так нередко бывало) по решению ЦК партии Подвойский назначается членом Реввоенсовета X армии, которая вела наступление на Северном Кавказе. Это было в конце января 1920 года.

...Поезд проходил по районам, где недавно шли жесточайшие бои. Картины страшных разрушений потрясали даже видавшего виды человека. Вокзалы и неподвижные эшелоны были забиты ранеными и больными, не имевшими никакой помощи. Свириствовала эпидемия тифа.

Во время стоянки на станции Грязи Подвойский решил обратиться к Ленину. «Десять дней еду Кавфронт,— телеграфировал он,— доехал только Грязи. Вчера зарыли в братской могиле 272 красноармейца. Грязи перебрасываются войска, сыпняк косит их. Вокзале свалки копошащихся без медицинской помощи, пици... Липецкий и Тамбовский здравотделы обращались Троцкому, безрезультатно».

Почти месяц понадобился ему, чтобы добраться до штаба X армии. Ею командовал Павлов. Во главе дивизий стояли прославленные начдивы Великанов, Ковтюх, Нестеровский, Гай.

Армия вместе с Первой Конной была деникинцев, успешно продвигалась вперед. Но, пройдя с боями сотни километров, оторвалась от своих баз, стало трудно со снабжением, эвакуацией раненых и больных. Члену РВС приходилось заниматься многими вопросами, в том числе восстановлением разрушенных мостов через реки Аксай и Сал. По его приказу был организован сбор патронов и винтовок, военного имущества, которые оставили при отступлении белогвардейцы.

Когда были освобождены грозненские нефтяные промыслы, Подвойский на созванном совещании обратился к командирам:

— Сохранение народного хозяйства — тоже битва за Советскую власть. В стране разруха, нет топлива, стоят заводы, фабрики. Вы освободили важнейшую нефтяную базу республики... Немедленно надо выяснить, сколько работает промыслов, какие стоят и почему. Надо с точностью подсчитать, каков запас горючего в Грозном, какое количество ежедневно добывается, на сколько верст тянется от Грозного нефтепровод к Каспию. Поможете нуждающемуся тылу — тыл быстрее и полнее удовлетворит ваши нужды.

Через два-три дня Николай Ильич уже просматривал доставленные сведения, которые оказались обнадеживающими. Он немедленно отправил в Главнефть телеграмму: «Дайте указания... X, куда направлять нефть района армии: в Царицын или Ростов — Москва. В Грозном нефтяные промыслы не повреждены, запасы нефти, бензина большие».

Еще до отъезда в X армию Подвойский начал готовить серию очерков «Два года Красной Армии». Книга должна была дать обзор боевых действий с начала образования армии до 1920 года. Николай Ильич разработал специальный вопросник-программу и разослал его во все войсковые соединения. Не прерывал он творческую работу и в этой поездке. Интересно его письмо к Тухачевскому, командовавшему тогда Кавказским фронтом: «Прошу Вас, пришлите мне, пожалуйста, экстренным нарочным копии Ваших приказов, директив... разведывательных сводок. Хочу написать об операциях за время Вашего командования. Считаю Ваши операции блестящими. Если приложите Ваши заметки об операциях и наброски Ваших мыслей, которые легли в основу операций, и все, что найдете полезным для публикации, буду благодарен...»

Вернувшись в Москву, Подвойский приступил к исполнению обязанностей начальника Всевобуча. И на этом посту он постоянно стремился к живому делу, не любил сидеть в кабинете. Требуя от подчиненных совершенства в работе и не полагаясь всецело на отчеты, Николай Ильич часто выезжал для инспектирования органов Всевобуча, побывал во многих губернских городах. Однажды вместе с делегатами II конгресса Коминтерна он приехал в Ярославль, с которым у него было связано много воспоминаний. Город все еще не оправился от белогвардейского мятежа.

Железнодорожники, знавшие Подвойского еще по девятьсот пятому году, попросили выступить и у них в только что построенной школе. Сказали, что ей присвоено его имя. Николай Ильич смущенно поблагодарил земляков. Он понимал, что это было искреннее признание трудов всей его жизни.

На фронтах еще шла упорная борьба с врагами Советской Республики, а Коммунистическая партия уже ставила новые задачи, связанные с восстановлением хозяйства и переходом к мирному социалистическому строительству. Нужно было готовить к этому молодежь. Большие возможности открывала здесь система Всеобуча, позволяющая подготавливать допризывников не только к обороне, но и к трудовой деятельности, к жизни. Во всех своих выступлениях Подвойский постоянно и неустанно подчеркивал необходимость увязывать допризывную подготовку с производственным обучением, призывал молодых людей к борьбе с разрухой.

— Возьмите лопату в руки,— обращался он к допризывникам,— возделайте одну или хотя бы половину десятины земли. В лопате, в молоте, пока нет трактора, пока мало электрических машин,— возрождение и спасение хозяйства России.

Заботясь о здоровье молодежи, Николай Ильич исключительно много сделал для развития физической культуры и спорта. Можно без преувеличения сказать, что он был у колыбели советского спорта. Когда Ленин предлагал Подвойскому встать во главе Всеобуча, он советовал не забывать о физическом воспитании молодежи. Присутствовавший при этом разговоре Дзержинский горячо поддержал Владимира Ильича.

По инициативе Подвойского при главном управлении Всеобуча в августе 1920 года создается Высший совет физической культуры. Возглавил его Николай Ильич. С этого времени на всех пунктах Всеобуча допризывники знакомятся с основами физической культуры и спортивных игр.

Как и во всяком другом деле, которое ему поручала партия, Николай Ильич отдавал всего себя развитию физкультурного движения. Будучи страстным и неутомимым пропагандистом физической культуры, он написал брошюры «Рабочий класс, чистый воздух и вода», «Смычка с солнцем». В те годы Подвойский опубликовал в «Правде», «Труде», «Гудке» и других газетах десятки статей по вопросам физической культуры и спорта.

Призывая молодежь укреплять свое здоровье, он постоянно повторял, что крепкое здоровье является основой производительности труда и военной мощи страны. Агитировал прежде всего своим примером. Николай Ильич никогда не курил, не пил спиртного, до конца жизни оставался по-военному подтянутым, бодрым и жизнерадостным, занимался физическим трудом и спортом.

— Я взбунтовал массы к физической культуре,— часто говорил он,— поднял их до сознания пойти против предрассудка, что спорт, дескать,— барская затея.

В начале октября 1920 года Ленин пригласил Николая Ильича и беседовал с ним о физическом воспитании молодежи. В заключение разговора Владимир Ильич сказал:

— Делегация проходящего сейчас III съезда РКСМ обратилась ко мне с просьбой выступить на съезде. Я дал согласие. Думаю, что и вам нужно сделать то же самое. Будете выступать — обязательно-

но подчеркните, что из призывников нужно готовить не только воинов, но и трудармейцев и физкультурников. И постарайтесь сделать так, чтобы органы Всеобуча к весне 1921 года содействовали приведению в культурный вид всех фабрично-заводских и сельских спортплощадок.

Об этой беседе Николай Ильич рассказал делегатам съезда комсомола:

— Владимир Ильич придает особое значение лыжному, велосипедному, водному и другим видам спорта, и он попросил передать вам, что военная подготовка должна строиться так, чтобы вы всесторонне развивались физически и были готовы к любому труду.

В 1923 году руководство военным обучением трудящихся было передано штабу РККА. Отмечая большие заслуги Подвойского в деле организации и формирования частей Красной Армии, ВЦИК наградил его высшей тогда наградой — орденом Красного Знамени.

И вот Николай Ильич на новом фронте — на мирном фронте социалистического созидания. Все силы он отдавал своему народу, делу партии.

Подвойский — член коллегии истпарта. Будучи активным участником Октябрьской революции и гражданской войны, он занялся разработкой их истории. Николай Ильич стал и одним из первых историков Красной Армии. Его перу принадлежат такие работы, как «Военная организация ЦК РСДРП (большевиков) и Военно-революционный комитет 1917 г.», «От Красной гвардии к Красной Армии», «Коммунары защищают Красный Петроград» и ряд других книг и статей. Над историческими и мемуарными работами Подвойский трудился всю жизнь. Он принадлежал к небольшому кругу мемуаристов, кто рабо-

тал с Лениным. В воспоминаниях Подвойского содержатся ценнейшие свидетельства об особенностях ленинского стиля руководства в 1917 году.

В годы социалистического строительства Николай Ильич вновь на передовой линии борьбы. На XIII, XIV, XV съездах партии он избирался в состав Центральной контрольной комиссии. В ЦКК были лучшие из лучших, известные всей партии коммунисты, отличающиеся глубокой партийностью и принципиальностью. Именно таким знали в партии Подвойского, и он решительно и настойчиво отстаивал единство партии в борьбе против троцкистов, зиновьевцев и других оппозиционеров.

На любом посту, куда бы его ни посылала партия, Подвойский работал по-партийному, горячо, страстно, плодотворно. В начале 30-х годов он много сделал для организации высшего технического образования, способствовал увеличению выпуска специалистов для советской промышленности. Николай Ильич привлек к этой работе видных ученых. Как всегда, он умел заставить людей думать, предлагать, перестраивать. Был связан с крупнейшими учеными — академиками Губкиным, Курнаковым, Ферманом и многими другими. Ученые поражались его неисчерпаемой энергии и организаторским способностям. Проверая как-то крупнейшие вузы страны, Подвойский обнаружил резкое несоответствие их технической оснащенности по сравнению с передовыми предприятиями промышленности, отсталость учебно-лабораторной базы вузов. По этому поводу он обратился с письмом к Серго Орджоникидзе, в котором отметил все недостатки, затруднявшие подготовку полноценных специалистов для новых отраслей промышленности.

Николай Ильич был разносторонне образованным

человеком. Постоянно интересовался литературой, любил музыку, играл на скрипке. Многогранность дарований, интересов и знаний привлекала к нему людей литературы и искусства. Он часто встречался с известными писателями и поэтами — Горьким, Маяковским, Есениным, Лавреневым, Тычиной, режиссерами и актерами — Мейерхольдом, Таировым, Штраухом, деятелями кино — Эйзенштейном, Александровым, скульптором Коненковым. Все они тепло отзывались о Николае Ильиче, прислушивались к его советам.

В один из осенних дней 1926 года Подвойскому позвонил Михаил Иванович Калинин. Спросил:

— Как вы смотрите на то, чтобы наши кинематографисты подготовили к десятилетию Октября фильм, который бы рассказал рабочим и крестьянам об этом выдающемся событии?

— Всячески приветствую, — ответил Николай Ильич.

— Тогда заходите ко мне. Пригласим Эйзенштейна и Александрова.

Встреча состоялась. Создатели фильма «Броненосец «Потемкин» рассказали о своих планах. Выслушав их, Калинин в свою очередь предложил:

— Вы хорошо рассказали об одном из самых важных событий революции пятого года. Через год страна будет отмечать десятую годовщину великого события. Что, если бы вы создали картину об Октябре 1917 года?..

И взяв со стола заранее приготовленную книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», Михаил Иванович протянул ее Эйзенштейну.

— Вот вам канва для сценария. Книгу эту вы знаете. Ее высоко ценил Ленин, и она могла бы вам помочь.

Лица собеседников отразили сомнение — слишком мало времени для создания такого ответственного фильма.

— Надо успеть. А товарищ Подвойский вам поможет. Нужно, чтобы в фильме народ увидел Владимира Ильича — вождя социалистической революции.

— Добавлю к словам Михаила Ивановича, — проговорил Подвойский, — вы можете рассчитывать и на помощь большевиков Ленинграда, тех, кто делал революцию.

Работа над созданием фильма началась. Главными консультантами кроме Подвойского были Надежда Константиновна Крупская, Мария Ильинична Ульянова, другие участники памятных событий. Сложно было создать образ Ленина. Роль его исполнил не профессиональный актер, а бывший рабочий-путиловец Василий Никандров. Да и вообще в картине «Октябрь» постановщики старались обойтись без профессиональных актеров. Роли участников революции исполняли люди, штурмовавшие Зимний, делегаты II съезда Советов. В их числе был и Подвойский. Антонова-Овсеенко сыграл активный участник октябрьских событий Соколов. Нашли тех, кто охранял штаб революции — Смольный, кабинет Ленина. Создатели фильма стремились воспроизвести не только исторические события, но и обстановку тех дней...

Подвойский регулярно следил за новинками советской литературы. Интересен его отзыв о книге Михаила Шолохова «Поднятая целина». Весной 1935 года, будучи в больнице, Николай Ильич прочитал первую книгу его романа. Своими мыслями о нем он поделился в письме к Нине Августовне: «Да, милая моя Ниночка, я тебе так и не сказал, что сде-

лал много-много выписок из «Поднятой целины» М. Шолохова. На них потратил много дней... Получил большое удовлетворение и наслаждение. Во-первых, я смог поставить Михаила Александровича Шолохова (ему 29 лет) на сравнительную позицию с Львом Толстым... я говорю здесь (конечно, ты понимаешь, не о сравнении идеологии), о сравнении любви к жизни, жажды ее понять, стремлении осветить ее самые сокровенные потайные уголки в душе человека... Во-вторых... Шолохов научил меня понимать, в чем конкретно значение 25-тысячника Давыдова... в колхозном строительстве, если он тщательно подобран и чувствует плечом такой завод, как Красный Путиловский».

4

Беззаветно служил Николай Ильич делу партии. И был он нежным семьянином. Вместе с женой, другом и соратником по революционной борьбе Ниной Августовной, постоянно занимался воспитанием детей, старался вырастить их активными строителями нового общества. Для детей родители были воплощением и идеалом революционеров ленинского времени, чья жизнь озарена светом Октября, идеями коммунизма.

Таковыми они оставались до последнего дня жизни. Нина Августовна с января 1924 года трудилась в созданном по решению ЦК партии институте В. И. Ленина, вместе с коллегами готовила к печати то, что было написано Владимиром Ильичем, и ленинские мысли становились достоянием миллионов и миллионов трудящихся всего мира. Как и Николай Ильич, она знала историю партии не по книгам. О степени ее вклада в изучение ленинского наследия

свидетельствует тот факт, что она участвовала в подготовке к печати тридцати трех из тридцати девяти изданных «Ленинских сборников». Эта работа стала подвигом всей ее жизни и была увенчана высокой наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Николай Ильич и Нина Августовна считали, что лучшей школой для юношей и девушек перед поступлением в вуз является работа на производстве. Своим детям они настойчиво советовали избрать в жизни именно этот путь. «Помогите мне сделать, чтобы моя комсомолка дочь — Олеся, — писал Николай Ильич в Замоскворецкий райком РКСМ, — спаялась с рабочей массой в труде, учебе и пролетарском воспитании. Я нахожу, что для юношества, для его закала к борьбе ... самой действительной школой еще долгое время будет фабрика и завод».

Дети выполнили наказ родителей. По окончании средней школы все они пошли работать на заводы. Старшая дочь Ольга — фрезеровщицей, Лида — слесарем, Нина — токарем, сын Лева много лет проработал на заводе «Серп и молот».

В 1934 году Николай Ильич тяжело заболел и по настоянию врачей перешел на пенсию. Но он не прекращал активной партийной и общественной работы, продолжая служить народу. Еще в 1918 году по предложению Ленина ответственные работники были раскреплены по партячейкам фабрик и заводов. Вместе с Крупской Подвойский был прикреплен к партийной организации «Трехгорной мануфактуры». И вот теперь, находясь на пенсии, он постоянно бывал в цехах, беседовал с ткачихами. За советом и помощью к нему обращались все, начиная от рабочего-новичка и кончая директором комбината. Николай Ильич никогда не кичился своими революционными

заслугами, здесь его и сейчас с благодарностью вспоминают как чуткого, отзывчивого человека.

Служить людям, народу — в этом он видел и смысл жизни, и счастье. Не случайно отец подарил детям фотографию, на которой он снят вместе с Ниной Августовной. На фотографии надпись: «Дети. Всю сознательную жизнь мы стремились всеми силами служить своему народу, честным трудом и революционной борьбой оправдывать великое звание членов большевистской партии. Мы были счастливы. Идите этим верным путем, где вы найдете силу, радость, счастье».

5

Великая Отечественная война. Враг под Москвой. Николай Ильич решительно отказался эвакуироваться из столицы и вместе с ткачами «Трехгорки» участвовал в строительстве оборонительных сооружений на Красной Пресне. При этом он выделялся своей активностью, энергией и решительностью. Военный комиссар района, незнакомый лично с Подвойским, через подчиненного решил выяснить, кто поручил ему руководить оборонительными работами. Николай Ильич написал военному записку, пояснив, что он персональный пенсионер и работает на оборону Москвы в общественном порядке, в качестве члена партии.

Было это 30 октября 1941 года. Награжденный позднее медалью «За оборону Москвы», Николай Ильич гордился этой наградой.

С первых дней войны на фронте сражались сын Подвойского Лев Николаевич и дочь Лидия Николаевна — доброволец 3-й Московской коммунистиче-

ской дивизии. Письма отца к ним проникнуты оптимизмом и бодростью, непоколебимой верой в нашу победу над врагом.

Однажды к Подвойскому зашел фронтовик Шапильский — командир боевой части, в прошлом его соратник по гражданской войне. В ответ на расспросы Шапильский рассказал о том, что у наших необстрелянных бойцов появилась опасная болезнь — танкобоязнь. Николай Ильич загорелся желанием помочь фронтовикам. Но как? Пожалуй, самое лучшее, если об этом напишет кто-либо из известных писателей. Выбор пал на Мариэтту Шагинян. Захватив с собой опытных танкистов, он направился к писательнице и стал страстно и настойчиво убеждать написать книгу о танках для пехотинцев.

— Я не знаю танка,— возражала Мариэтта Сергеевна,— и испытываю перед ним пехотинский страх. О танках лучше всего писать танкистам.

— Это должен сделать обязательно литератор. Нам нужна не техническая, а художественная брошюра,— убеждал Николай Ильич.

Наконец писательница согласилась, и вскоре появился ее очерк «Танкисты».

Вспоминая о выполнении задания Подвойского, Шагинян пишет: «Это был замечательный человек. Он мог мертвого заставить встать из гроба, чтобы выполнить военное задание. Он убеждал вас тем, что сам глубоко верил в ваши силы и способности, и передавал свою веру и вам».

Подвойский прожил большую жизнь коммуниста-ленинца. Он скончался в 1948 году и похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Памятник из белого мрамора на его могиле напоминает о легендарной жизни славного солдата революции, солдата ленинской гвардии.

Содержание

Мироныч	3
Тревожное время	23
В Военной организации	31
Революции решающие дни	50
Рождение новой армии	66
На защите завоеваний Октября	88
С народом вместе	102

*Виктор Флегонтович Московкин,
Евгений Петрович Тарасов*

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ
(О Н. И. ПОДВОЙСКОМ)

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редактор *В. Н. Светцов*
Младший редактор *Н. И. Коршикова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 1322

Сдано в набор 15.01.82. Подписано в печать 06.04.82. А 00068. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,25. Условн. кр.-отт. 5,95. Учетно-изд. л. 4,78. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 1973. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1982